

Бернар

Вербер

Империя *ангелов*

Каждая возвышающаяся душа
возвышает все человечество

Бернар Вербер
Империя ангелов
Серия «Бесконечная
Вселенная Бернара Вербера»
Серия «Танатонавты», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64932221
Империя ангелов / Бернар Вербер: Эксмо; Москва; 2021
ISBN 978-5-04-117780-5

Аннотация

Встречайте вторую часть культовой дилогии о танатонавтах. Пионеры «послесмертных географических открытий» Мишель Пинсон и Рауль Разорбак встречаются снова, чтобы продолжить свои исследования рая, но на сей раз изнутри. Им предстоит на практике познать все тонкости ангельского ремесла и разобраться в туманной небесной иерархии. Но они не были бы настоящими танатонавтами, если бы остановились на этом. Куда отправляются ангелы, исполнившие свое предназначение? Кто всем этим управляет? И что, если ответы на эти вопросы скрываются в других галактиках?

Содержание

I. За кулисами рая	7
1. Я умираю	7
2. Большой скачок	13
3. Апелляция	29
4. Ангел	36
5. Энциклопедия	39
6. Эдмонд Уэллс	40
7. Страна ангелов	43
8. Энциклопедия	49
9. Три зачатия: 9 месяцев до рождения	51
10. Энциклопедия	56
11. Неожиданная встреча	57
12. Выбор душ. До рождения менее двух месяцев	61
13. Энциклопедия	65
14. Зародыш Жак. Менее 2 месяцев до рождения	68
15. Зародыш Венера. Менее 2 месяцев до рождения	70
16. Зародыш Игорь. Менее 2 месяцев до рождения	72
17. Энциклопедия	74
18. Идеи Рауля	76

19. Зародыш Жак. Месяц до рождения	78
20. Зародыш Венера. Месяц до рождения	79
21. Зародыш Игорь. Месяц до родов	81
22. Загадка Семерки	82
23. Энциклопедия	87
24. Снова на Земле	89
25. Рождение Жака	91
26. Рождение Венеры	96
27. Рождение Игоря	99
28. Энциклопедия	102
29. Клиентский сервис	104
30. Жак, 1 год	108
31. Венера, 1 год	110
32. Игорь, 1 год	111
33. Энциклопедия	112
34. Верхний мир	114
35. Жак, 2 года	118
36. Венера, 2 года	122
37. Игорь, 2 года	123
38. Изумрудные ворота	124
39. Энциклопедия	127
40. Игорь, 5 лет	128
41. Венера, 5 лет	130
42. Жак, 5 лет	131
43. Четыре шара судьбы	134
44. Энциклопедия	138

45. Добрые и злые	139
46. Энциклопедия	144
47. Игорь, 7 лет	145
48. Венера, 7 лет	150
49. Жак, 7 лет	152
50. Желания	154
Конец ознакомительного фрагмента.	156

Бернар Вербер

Империя ангелов

Bernard Werber

L'Empire des Anges

Copyright © Editions Albin Michel S.A. – Paris 2000

© Кабалкин А., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО
«Издательство «Эксмо», 2021

Посвящается Веронике

Вот три пути мудрости:

юмор, парадокс, изменение.

Дэн Миллмэн, чемпион мира по прыжкам на батуте

I. За кулисами рая

1. Я умираю

«Однажды ты берешь и умираешь».

Источник: ответ случайного прохожего репортеру.

Итак, я умираю.

Все произошло быстро и сокрушительно.

Внезапно раздался страшный шум. Я обернулся и увидел нос «Боинга-747» (вероятно, из-за забастовки авиадиспетчеров он сбился с курса), который возник в моем окне, протаранил стены, проткнул насквозь мою гостиную, сокрушил всю мебель, испепелил все мои безделушки, надвинулся на меня в своей безумной неудержимости.

Неважно, кто ты, пусть даже искатель приключений, пусть даже воображаешь себя первопроходцем, пионером новых миров: рано или поздно перед тобой встает проблема, перед которой ты оказываешься бессилён. Во всяком случае, воздушный лайнер, сносящий мою гостиную, стал для меня непосильной проблемой.

Все происходило, как в замедленном кино. В невероятном грохоте, среди рассыпающейся на тысячи кусочков домашней обстановки, в гигантских клубах пыли и гипсового кро-

шева я успел разглядеть лица пилотов. Один был худой и высокий, другой низенький и лысый. На лицах обоих застыло изумление. Наверное, им еще не доводилось доставлять пассажиров напрямик в жилой дом. Лицо высокого было искажено ужасом, его коллега был охвачен паникой. Грохот не позволял мне слышать их голоса, но один из них до отказа разинул рот – наверняка в крике.

Я отпрянул, но летящий на полной скорости самолет, тем более «Боинг-747», так просто на месте не замрет. Я зачем-то загородил руками лицо, скроил гримасу, плотно зажмурил глаза. В тот момент у меня еще теплилась надежда, что это вторжение – не более чем страшный сон.

Оставалось ждать. Ожидание было недолгим, не превысило, наверное, и десятой доли секунды, но мне оно показалось нескончаемым. Удар. Меня отшвырнуло, как гигантской оплеухой, и я распластался на стене, прежде чем был перемолот в труху. Затем наступила тишина и темнота. Такие вещи всегда происходят внезапно. Не только ошибки в прокладывании воздушного курса для «Боингов», но и твоя собственная кончина.

Я не хочу умирать прямо сегодня. Я еще слишком молод. Ничего не видеть и не слышать, осязание тоже отказало. Неважные предзнаменования... Правда, нервная система пока что подает признаки жизни. Возможно, мой организм еще можно оживить. Если повезет, то примчавшиеся вовремя службы спасения снова запустят сердце, скрепят

там и сям переломанные конечности. Я буду долго валяться на больничной койке, но постепенно все вернется в прежнюю колею. Мое окружение скажет, что я каким-то чудом выкарабкался.

Так что я жду помощи. Сейчас она придет. Чего они медлят? Я здесь. Не иначе, в этот час повсюду пробки.

Я знаю, что нельзя распускаться. Умереть – значит распуститься вконец. Надо заставить мозг действовать. Ну-ка, думай! Но о чем?

На ум приходит песенка из моего детства:

Жил-был маленький кораблик,
Жил-был маленький кораблик,
Жил-был маленький кораблик,
Что морей не бороздил,
Что морей не бороздил...

Что еще за слова?...

Ну вот, память тоже объявила забастовку. Библиотека на замке.

Чувствую, мои мозги прекратили работу, но при этом я... продолжаю думать. Декарт ошибался. Можно «больше не существовать», но «все еще мыслить». Я не только мыслю, но и полностью осознаю происходящее. Все происходящее! Никогда еще не был настолько сознательным.

Чувствую приближение чего-то важного. Я жду. Вот оно! Такое впечатление, что... Впечатление, что из меня что-то

выходит! Облачко пара. Пар принимает форму моей телесной оболочки. Похоже на прозрачную кальку меня самого!

Это что же, моя «душа»? Просвечивающее «другое я» медленно отделяется от тела, выползает сверху из черепной коробки. Страх во мне борется с возбуждением. Дальше – свободный полет.

«Другое я» наблюдает за своим бывшим телом. Повсюду разбросаны его мелкие куски. Что ж, приходится примириться со случившимся – или отыскать хирурга-фокусника, мастера собирать пазлы... Нет, здесь ничего уже не собрать.

Черт возьми, вот это ощущение! Я лечу. Взрываю вверх.

Серебряная нить еще связывает меня, как пуповина, с брэнной плотью. Полет продолжается, серебряная нить вытягивается.

Жил-был маленький кораблик,
Что морей не бороздил...

Кораблик – это я. Мое тело плывет. Я лечу. Удаляюсь от своего прежнего «я». Теперь я могу лучше разглядеть «Боинг-747». Самолет полностью искорежен. Вижу и свой бывший дом, похожий теперь на тысячелистник: этажи рухнули, смяв друг друга.

Я парю над крышами. Я вознесся на небеса.

Но что я здесь делаю?

Я профессор факультета антропологии в Париже. Думаю, я смогу ответить на ваш вопрос. Похоже на то, что человеческая цивилизация возникла тогда, когда некоторые приматы перестали бросать своих умерших на кучи мусора и начали засыпать их ракушками и цветами. Вблизи Мертвого моря найдены первые оформленные древние захоронения, датируемые еще каменноугольным периодом, примерно 120–140 тысяч лет назад. Это означает, что уже в те давние времена люди верили, что смерть сопровождается неким «волшебным» проявлением. Пытаясь описать это «волшебство», можно отметить, что тогда же зародилось абстрактное искусство.

Позднее художники, пытавшиеся представить «загробную жизнь», стали создавать первые фантастические произведения. Кстати, их вероятной целью было воскресить самих себя...»

Источник: ответ случайного прохожего репортеру.

Что-то влечет меня вверх: это сказочный свет. Теперь я все узнаю. Что приходит на смену жизни? Есть ли что-то за пределами видимого мира?

Полет над моим городом.

Полет над моей планетой.

Я покидаю зону Земли. Моя серебряная нить растягивается все сильнее и в конце концов рвется.

С этого момента разворот невозможен. Вот и конец моей жизни в шкуре Мишеля Пинсона, милейшего, в сущности,

человека, которого угораздило умереть.

В момент прощания с «жизнью» я отдаю себе отчет, что всегда относился к ней как к чему-то, происходящему с другими. Как к легенде. Как к испытанию, от которого сам я могу быть избавлен.

Все в один прекрасный день умирают. Для меня этот день наступил сегодня.

«Думаю, после смерти ничего нет. Вообще ничего. Думаю, бессмертие достигается рождением детей, которые производят на свет других детей, и так далее... Они и несут сквозь время наш огонек».

Источник: ответ случайного прохожего репортеру.

2. Большой скачок

Я знаю, что у меня нет выбора. Земля превратилась в щепотку пыли вдали. Пожарные уже нашли среди обломков фрагменты моего прежнего тела.

Как ни удивительно, я вроде бы слышу их голоса. «Вот это да! Не каждый день самолет таранит жилой дом... Как прикажешь искать тела в этом месиве из бетона?»

Ну, это уже не моя проблема.

Меня притягивает сказочный свет. Я направляюсь к центру моей Галактики. Наконец, я вижу его – континент мертвых и черную дыру посередине Млечного Пути.

Это похоже на кольцо унитаза, на водоворот внутри, вовлекающий все в неумолимое вращение. Хочется сравнить эту картину с трепещущим цветком, с гигантской орхидеей из завихрений мерцающей пылицы.

Эта черная дыра втягивает в себя все: солнечные системы, звезды, планеты, метеориты. И меня заодно.

Я вспоминаю карты с континентами мертвецов. Семь Небес. Я причаливаю к Первому Небу. Это синяя территория в форме конуса. Ее достигаешь, преодолевая звездную пену.

«Каждый год на Земле рождаются миллионы людей. Они перерабатывают тонны мяса, фруктов и овощей в

тонны экскрементов. Они колышутся, размножаются, умирают. В этом нет ничего необычного, но это и есть смысл нашего существования: Рождаться. Питаться. Колыхаться. Размножаться. И подохнуть.

В процессе всего этого каждый воображает, что представляет важность, так как производит ртом звуки, двигает ногами и руками. Но я говорю: мы мало что значим, наша участь – истлеть и превратиться в пыль».

Источник: ответ случайного прохожего репортеру.

На пороге континента мертвых, как я теперь вижу, кто-то переминается. Другие мертвые рядом со мной – как несчетные мигрирующие бабочки-монархи, стремящиеся к свету.

Погибшие в ДТП. Казненные по приговору суда. Запытаные до смерти заключенные. Неизлечимые больные. Прохожий-неудачник, на голову которого упал цветочный горшок. Растяпа-турист, принявший гадюку за ужа. Не привитый от столбняка мастер на все руки, уколотившийся ржавым гвоздем.

Некоторые сознательно нарывались на проблемы. Пилоты – любители полетать в тумане, не умеющие пользоваться навигационными приборами. Презиравшие лыжню лыжники, не заметившие пропасть. Парашютисты с загоревшимися парашютами. Нерадивые дрессировщики диких зверей. Мотоциклисты, решившие, что успеют обогнать грузовик.

Все это – дневная жатва смерти. Я приветствую всех.

Совсем рядом, почти касаясь меня, парят узнаваемые си-

луэты. Роз, моя жена! Амандин, моя бывшая любовница!

Я вспоминаю.

Они находились рядом, в соседней комнате, в тот момент, когда в наш дом в Бют-Шомон врзался «Боинг-747». С нами я пережил захватывающее приключение «танатонавтов».

От слов «танатос», означающее «смерть», и «нотес» – «штурман».

Этот термин предложил мой друг Рауль Разорбак. Появление одного слова потянуло за собой целую науку. А науке всегда нужны пионеры. Мы построили танатодромы, дали старт танатонавтике.

Нашей целью было разведать «загробную *Terra incognita*». И мы ее достигли. Мы приподняли занавес, скрывавший последнюю великую загадку – тайну смысла человеческой смерти. Без ее упоминания не обходилась ни одна религия, ее описывали в более-менее точных метафорах все мифы, но мы стали первыми, кто заговорил о ней как об открытии «обыкновенного» континента.

Мы боялись, что не сумеем довести начатое до конца. Рухнувший как будто случайно на наш дом «Боинг-747» – доказательство того, что мы все-таки создали помехи «наверху».

Я снова вижу открытое нами... Но у меня билет только в одну сторону. Оковы пали, но я знаю, что в этот раз возврат в прежнее состояние неосуществим. Нас троих несет в неумолимо сужающееся жерло водоворота. Мы стремительно пересекаем эту первую территорию и оказываемся перед сте-

ной в виде рыхлой, но непроницаемой мембраны. По примеру числа Маха, первой звуковой стены, мы с друзьями называли первую стену смерти «Мох-1». Сегодня мы преодолеваем ее вместе.

Я при этом колеблюсь, другие нет. Что ж, последую за ними. Нас встречает...

Скандал. Настоящий скандал! Я – санитар в службе паллиативной помощи. Вынужденный сопровождать агонию обреченных, я разработал свое собственное отношение ко всему этому. По-моему, все происходящее недопустимо. Мы делаем вид, будто смерти не существует. Однажды внуки видят, как «Скорая» увозит их деда в больницу. После этого они не видятся несколько недель, и вот как-то утром раздается телефонный звонок с сообщением: он скончался. В результате новые поколения не видят настоящей смерти. Поэтому внуки, повзрослев, а потом состарившись и оказавшись в свой черед перед воротами смерти, паникуют. Речь ведь идет не только об их исчезновении, но и о полной неизвестности. Если от меня ждут совета для внуков, то вот он: «Не бойтесь навещать в больнице ваших дедов и бабок! Вы получите там величайший урок... жизни».

Источник: ответ случайного прохожего репортеру.

Преодолев первую стену, я оказываюсь... на Втором Небе.

Это черная территория, юдоль страха.

Страхи материализуются в виде ужасов, выползающих из закоулков моего воображения. Тьма. Дрожь. Меня подстерегают чудища-шутники и нешуточные демоны.

На девяти карнизах, один круче другого, я встречаюсь с самыми жуткими своими кошмарами. Но негаснувший луч света продолжает вести меня вперед.

Я сталкиваюсь в полутьме лицом к лицу со всеми своими страхами. И вновь передо мной дверь, непроницаемая перепонка. «Мох-2». Преодолев ее, я попадаю в...

«Я вдова, я не отходила от мужа до последних дней его жизни. Это происходило в пять этапов. Сначала он отказывался умирать. Требовал, чтобы мы продолжали жить, как раньше, говорил, что выздоровеет и вернется домой. Потом, когда врачи сказали ему, что он неизлечим, он впал в ужасную ярость. Казалось, ему необходим виноватый. Он обвинял своего лечащего врача в никчемности. Меня обвинял в том, что я положила его в плохую больницу, в том, что зарюсь на его деньги и намеренно ускоряю его конец, чтобы побыстрее получить наследство. Все были у него виноваты в том, что отвернулись от него, что недостаточно часто его навещают. Честно говоря, таким неприятным поведением он даже у детей отбил желание к нему ходить. Но позже он успокоился и перешел в третью фазу, назовем ее «фазой продавца

ковров». Это смахивало на торговлю: ладно, я обречен, но мне хотелось бы дожить до следующего своего дня рождения или по крайней мере до очередного чемпионата мира по футболу. До полуфинала или хотя бы до четвертьфинала...

Поняв, что все по-настоящему плохо, он впал в депрессию. Это было ужасно. Он не хотел разговаривать, отказывался от еды. Разом все отверг. Он больше не боролся, полностью лишился энергии. Он походил на нокаутированного боксера, пропустившего удар, отброшенного на канаты и ждущего последнего удара.

Наконец, наступила пятая фаза: принятие. На его лицо вернулась улыбка. Он попросил принести ему CD-плеер, захотел послушать свою любимую музыку. Больше всего он любил группу Doors, напоминавшую ему о молодости. Он умер почти с улыбкой на лице, с наушниками на голове, под песню Here Is The End (Вот и конец)».

Источник: ответ случайной прохожей репортеру.

...Я попадаю в багровый мир своих галлюцинаций, сменяющий голубой мир на входе и черный мир страха. Здесь материализуются самые мои хитроумные желания.

Я на Третьем Небе. Чувство удовольствия, огонь, влажное тепло. Наслаждение. Встреча с самыми изошренными из моих сексуальных фантазий, с самыми постыдными из моих побуждений. В них недолго увязнуть. В моем сознании ожи-

вают самые будоражающие сцены. Самые сексуальные актрисы и самые соблазнительные топ-модели умоляют меня ими овладеть.

Тем временем моя жена и бывшая любовница увлеченно пользуются услугами юных красавцев.

Мне хочется здесь задержаться, но я заставляю себя следовать за лучом света, подобно тому, как ныряльщик старается не удаляться от своего троса. Так я преодолеваю «Мох-3».

«Хочется, чтобы смерти не было. Но она существует, что, если хотите знать мое мнение, только к лучшему. Потому что худшее, что может с нами произойти, – это бессмертие. Это было бы нестерпимо скучно, вы не считаете?»

Источник: ответ случайного прохожего репортеру.

Четвертое Небо: оранжевая территория. Здесь меня настигает боль неостановимого времени. Видение тянущейся за горизонт бесконечной вереницы покойников, почти такой же невозмутимой, как очередь в кинотеатр.

Судя по одежде, некоторые топчутся здесь с незапамятных времен. Если все это не участники съемок фильма-катастрофы и не жертвы несчастного случая на съемочной площадке, то получается, что они умерли давным-давно.

Так с тех пор и ждут.

Оранжевая территория – несомненно, место, называемое

в христианской религии «чистилищем». Чувствую, нам тоже нужно пристроиться в конец очереди и ждать. Правда, на Земле я завел дурную привычку никогда не стоять в очередях и всюду лезть вперед. Такое поведение нередко приводило к стычкам и даже кончалось рукоприкладством. Но мы и здесь лезем вперед. Кое-кто возмущенно кричит, что мы не имеем на это права, но остановить нас никто не осмеливается.

Продираясь сквозь толпу, я двигаюсь сквозь исторические события, минуя героев гомеровских битв, о которых читал в школьных учебниках, древнегреческих философов, царей стран, давно стертых с карты мира.

Я бы не прочь взять кое у кого автограф, но место к этому не располагает.

Роза, Амандина и я летим над умершими. Их столпотворение образует широкий поток, стремящийся к свету (Стикс?). Входом на оранжевую территорию служит его исток; чем дальше мы летим, тем уже становится река умерших, превращаясь в конце концов в ручей. Мы упираемся в новую непроницаемую стену, переходим через «Мох-4».

«Я никогда не думаю о смерти. Боюсь приманить ее такими мыслями. Знай живую себе, и будь что будет, а там поглядим».

Источник: ответ случайного прохожего репортеру.

Теперь мы на Пятом Небе. Это желтая территория. Мир

Знания. Здесь раскрываются величайшие тайны человечества. Я подбираю на лету кое-какие бесценные сведения, которыми, увы, не смогу поделиться со своими пока еще живыми соплеменниками.

Ощущение великой мудрости. Бесплотные голоса объясняют мне вещи, которых я прежде толком не понимал. Я получаю один за другим ответы на вопросы, которые безрассудно задавал на протяжении своей последней жизни.

Очередь умерших все редет.

Многие покойники медлят, пораженные ответами на вопросы, не дававшие им покоя при жизни. Ручей становится ручейком. Я стараюсь не отвлекаться на все эти лакомства для ума, как ни упоительна их сладость. Меня влечет свет. Выйдя из «Мох-5», я оказываюсь...

«Удивление.

Да, и я назвал бы это удивление взаимным. Меня недавно освободили за хорошее поведение после тридцатилетнего тюремного заключения. Теперь я могу говорить без утайки. Я убил четырнадцать человек. Убивая их, я с удивлением наблюдал, насколько они поражены, даже возмущены моими словами о том, что я намерен положить конец их жизни. Можно было подумать, что они воображают, будто жизнь – их собственность, как машина, собака или дом».

Источник: ответ случайного прохожего репортеру.

...Оказываюсь на Шестом Небе. Это зеленая территория.

Здесь я открываю Красоту. Мечты, ощущение красочности и гармонии. Я чувствую собственное уродство и тупость. Множество покойников из реки мертвых собираются здесь, замороженные неопишимо прекрасным зрелищем.

Роза, жена, тянет меня за руку. Надо двигаться дальше, не отвлекаясь на пленительные картины.

По мере продвижения нас становится все меньше.

Преодолев «Мох-6», я попадаю на...

Седьмое Небо, белую территорию.

Кажется, миграция мертвых направлена именно сюда. Свет исходит от могучей горной цепи. Сильнее всех светится самая высокая гора. Я направляюсь к этой вершине. Тропа ведет на плато Суда.

К его центру бредет нескончаемая колонна мертвых. Ее продвижение здесь томительно неспешно. Каждая душа дожидается, пока стоящую перед ней душу вызовут к окошечку, и только после этого делает шаг вперед и замирает на предназначенной для этого черте.

Роза, Амандина и я вклиниваемся в очередь.

К нам подходит некто полупрозрачный. Я с первого взгляда догадываюсь, что это ключник, райский привратник. Египтяне называли его Анубисом, владыкой некрополя, индуисты – Ямой, богом мертвых, греки – Хароном, лодочником, перевозящим души через Стикс, римляне – Меркурием, проводником душ, христиане – святым Петром.

– Следуйте за мной, – обращается к нам этот немного над-

менный бородатый детина.

– Хорошо.

Он улыбается, качает головой. Отлично, он меня слышит и понимает. Он выводит нас прямо на плато Суда и ставит перед тремя судьями, которые молча нас разглядывают. Откуда-то слышится голос святого Петра:

Фамилия: Пинсон.

Имя: Мишель.

Гражданство: Франция.

Цвет волос в последней жизни: шатен.

Глаза: карие.

Рост в последней жизни: 1,78 м.

Особые приметы: отсутствуют.

Слабое место: неуверенность в себе.

Сильная сторона: любопытство.

Я знаю, кто такие эти трое судей. Они тоже носят разные имена в разных мифологиях: Зевс, Фемида, Танатос у греков, Маат, Осирис, Тот у египтян, Идзанами, Идзанаги, Омойканэ у японцев, архангелы Гавриил, Михаил, Рафаил у христиан.

– Каждая душа проходит взвешивание, – сообщает мне самый крупный в троице, Гавриил.

Значит, эта эктоплазма и есть моя душа...

– А судить будем сразу всех троих, – добавляет самый толстый, Рафаил.

Суд не заставляет себя ждать. Архангелы предъявляют

нам обвинение в недопустимо скором и невдумчивом раскрытии тайн потустороннего мира в процессе наших танатонавтических занятий. Ведь познание этих тайн дозволено только Великим Посвященным. Мы были не вправе сообщать другим людям смысл как жизни, так и смерти.

– Подстегиваемые только собственным любопытством, вы открыли Семь Небес и сообщили о них общественности совершенно бесплатно и в сугубо мирском смысле!

– Никто здесь никогда не давал вам дозволения разглашать такого рода секретные сведения.

– Если бы вы по крайней мере замаскировали их притчами, мифами... Если хотя бы поставили условием разглашения некую инициацию...

Архангелы перечисляют все беды, которые могут произойти из-за допущенного нами спешного оповещения смертных о тайнах континента мертвых.

– Теперь люди могут накладывать на себя руки из чистой любознательности, ради посещения рая с туристическими целями!

– Счастье, что мы вовремя вмешались, чтобы в зародыше задушить вашу оплошность.

Архангелы сочли своим долгом уничтожить все тексты о танатонавтах, все книжные магазины и библиотеки, куда они попали. Сперва они взялись фальсифицировать коллективную память человечества, чтобы стереть все следы наших заблуждений. Но случаю было угодно, чтобы и эти их старания

оказались избыточными. Книга о танатонавтах не получила никакого резонанса. Те немногие читатели, в чьи руки она попала, приняли ее за очередной опус в жанре научной фантастики. Выход нашего детища прошел незамеченным, утонул в море прочих новых изданий.

Так действует в наше время новая цензура: ее рычаг – не только и не столько утаивание, сколько изобилие. Книги, будоражащие умы, не могут вынырнуть из массы бесцветности и скуки.

Архангелы обошлись без прямого вмешательства, но нам придется заплатить за причиненное им беспокойство. Единственный возможный приговор для нас – обвинительный.

– К чему нас приговорили? – интересуется Амандин. – К низвержению в ад?

Трое архангелов снисходительно смотрят на нее.

– Ад? Очень жаль, но ада не существует. Есть только рай и... Земля. Оступившиеся приговариваются к возвращению на Землю для перевоплощения.

– Иными словами, ад – это Земля, – весело добавляет архангел Рафаил.

– Перевоплощение – это что-то вроде экзамена в лицее, – подхватывает архангел Гавриил. – Не сдаешь – остаешься на второй год. Вы не сдали экзамена, извольте вернуться обратно и повторить курс.

Я опускаю голову.

Моя жена Роза, моя подруга Амандина и я – вся наша тро-

ица думает одно и то же: «Еще одна никчемная жизнь!»

Сколько раз до нас звучал этот же вздох разочарования?

Тем временем другим покойникам не терпится. Нас торопят уступить место другим. Святой Петр ведет нас в горы. Мы поднимаемся на главную вершину. Из нее бьет мощный луч света, приведший нас на Страшный суд.

У наших ног зияют жерла двух тоннелей: одно цвета охры, другое – морской волны. По охряному тоннелю души попадают на Землю для новых перевоплощений, по второму отправляются в страну ангелов. Дорожные указатели отсутствуют, но разъяснение, как повсюду здесь, загорается непосредственно у нас в сознании.

Махнув на прощание рукой, святой Петр оставляет нас перед охряным тоннелем.

– До скорой встречи после вашей следующей жизни! – лаконично бросает он.

Мы шагаем по тоннелю. На полпути нас останавливает непроницаемая перепонка, похожая на «Мохи», преграждающие каждое из Семи Небес. Преодолев ее, мы проваливаемся в новую жизнь. Амандина смотрит на меня, готовая зажить заново.

– Прощайте, друзья, давайте попробуем встретиться в нашем следующем существовании.

Вижу, как она мне подмигивает. В прошлой жизни она не сумела превратить меня в своего постоянного партнера и теперь надеется на следующую.

– Вперед, к новым приключениям! – провозглашает она и ускоряет шаг.

Роза жметя ко мне. Я шепчу ей на ухо слова, которыми подбадривали друг друга танатонавты во времена великих войн за колонизацию континента мертвых:

– Ты и я, вместе против идиотов.

За отсутствием тел мы не можем обняться, но наши эктоплазмы находят выход – целуются в губы. Мои губы ничего не чувствуют, но все мое естество приободряется.

– Вместе... – вторит она мне.

Мы беремся за руки, вернее, соприкасаемся кончиками пальцев. Наши указательные пальцы сливаются и тут же разъединяются.

Роза отворачивается, чтобы сократить это болезненное мгновение, и торопится к своему новому перевоплощению.

Настает моя очередь. Я быстро шагаю по коридору, твердя про себя, что в следующей жизни непременно должен вспомнить, что раньше был танатонавтом.

На ходу я трепещу всей своей эктоплазмой. Наконец-то я узнаю, что же там, за стеной.

По ту сторону смерти таится...

«Крепко уцепиться! Это самое важное. Уцепиться – и ни в коем случае не забыть обработать руки тальком. Я – цирковой акробат. Гимнаст на трапеции без корды. Знаю, при должной цепкости я ничем не

рискую. Кстати, о смерти я никогда не думаю, это мне ни к чему. Знаю, стоит посмотреть вниз – и немудрено упасть. Так что мы со смертью чужие. Если честно, я бы предпочел поговорить о чем-нибудь еще. Вы уже видели мой номер?»

Источник: ответ случайного прохожего репортеру.

3. Апелляция

...Рука. Она хватается мою душу и заставляет меня замереть.

Некто прозрачный прерывает мое движение и яростно заявляет, что не может допустить того, что суд надо мной прошел без него.

– Это вопиющее нарушение процедуры, придется все начать сначала.

То же самое должно было бы относиться к суду над Амандиной и над Розой, но они, к своему несчастью, уже ушли слишком далеко по коридору. Со мной дело обстоит по-другому, мой случай еще можно пересмотреть.

Мой собеседник – в очочках, низенький, бородатенький, с лихорадочным взглядом. Он толкает меня, волочит за собой, он очень настойчив. «Я твой ангел-хранитель», – слышу я его бормотание.

Выходит, у меня был свой ангел-хранитель? Некто, наблюдавший за моими деяниями? Возможно, даже помощник... Я приободряюсь, хотя не могу скрыть удивление. Итак, я был не один. Всю жизнь меня кто-то сопровождал. Я вглядываюсь в него.

Хрупкое телосложение, бородка, очки из девятнадцатого века... Сдается мне, где-то я его уже видел.

Человечек представляется: Эмиль Золя.

– Господин Эмиль Золя, автор «Жерминаля»?

– К вашим услугам, месье. Но сейчас не до расшаркиваний. Времени в обреш, надо спешить.

Он подтверждает, что следовал за мной с первых моих шагов, и уверяет, что теперь ни на минуту меня не оставит.

– Интрига... то есть карма оказалась хороша. Падения не произошло. И, ко всему прочему, была нарушена положенная процедура суда над душами. Этот процесс незаконный, несправедливый, антиобщественный.

Как следует из объяснений Эмиля Золя, согласно действующим в раю законам мой ангел-хранитель должен был находиться рядом со мной во время взвешивания моей души с целью выступить при необходимости моим адвокатом.

Он вытягивает меня из тоннеля и толкает на плато, где по-прежнему восседает троица архангелов. Растолкав всех, он требует, чтобы все было возобновлено. Он грозит оглаской допущенного нарушения. Обещает превратить свое вмешательство в прецедент. Напоминает о действующих в раю правилах. Неистовствует:

– Я обвиняю архангелов в фальсификации результатов по взвешиванию души моего клиента. Я обвиняю архангелов в халтурном проведении неудобного для них процесса. Наконец, я обвиняю этот небесный суд в том, что единственной его целью было как можно скорее спровадить душу, единственный грех которой состоял в любопытстве!

Сразу видно, такого три архангела никак не ждали. Навер-

ное, не каждый день находится желающий оспорить их приговор.

– Я бы вас попросил, господин Золя... Извольте принять вердикт небесного суда.

– Об этом не может быть речи, господин архангел Гавриил. Я говорю и повторяю, что, ограничившись только рассмотрением действий танатонавтов, судьи изменили своему долгу и не проявили внимания к жизни моего клиента и к его повседневным поступкам. А именно с них и следовало начинать. Я настаиваю на том, что Мишель Пинсон прожил образцовую жизнь. Хороший муж и отец семейства, порядочный гражданин, замечательный друг! Близкие уверенно на него полагались. Всю свою жизнь он не сходил с праведного пути. Несть числа его поступкам, исполненным чистого благородства, – и вот расплата: его приговаривают к возвращению на Землю и к мучениям! Я не допущу столь беззастенчивого сожжения его души!

Рафаил не сразу обретает дар речи.

– Гм... А вы что скажете, месье Пинсон? В конце концов, главное заинтересованное лицо, сдается мне, – вы сами. Так желаете ли вы повторно предстать перед судом?

Теперь, когда рядом нет никого из тех, кого я люблю – ни Розы, ни Амандина, ни Рауля, ни Фредди, – я стал безучастным. Но должен признать, что пыл Эмиля Золя более чем заразителен. Я говорю себе: не будь у Дрейфуса такого защитника, его дело ни за что не пересмотрели бы.

– Я хочу... повторного суда.

Эмиль Золя ликует. Судьи кривятся.

– Ладно, ладно, взвесим душу еще разок, – уступает архангел Михаил.

«С тех пор как умерла моя мать, у меня такое чувство, будто моя жизнь потеряла смысл. Да, я живу, но вся жизнь – это память о ней. Она была для меня всем. Теперь я потерялся».

Источник: ответ случайного прохожего репортеру.

Теперь суд надо мной пройдет как полагается. Три архангела рассказывают мне о моей прошлой жизни и помогают перечислить, что я совершил хорошего и что дурного. Критерии оценки моих поступков – это развитие, эмпатия, внимание, желание творить добро. Моя жизнь предстает мозаикой мимолетных эпизодов, как видеосъемка: то с ускорением, то, наоборот, с замедлением. Иногда тот или иной кадр останавливается, чтобы я смог лучше осознать произошедшее.

Я могу трезво и беспристрастно взглянуть на все, что натворил, пребывая в шкуре Мишеля Пинсона. Прежде чем мне вынесут приговор, я сужу сам себя. Странное чувство! Так вот чем была моя жизнь? Первым делом поражает, сколько времени я потратил зря. Меня преследовал страх. Выясняется, что меня всегда сдерживала дрожь перед неве-

домым.

Когда главное твое свойство – любопытство, в подобный парадокс трудно поверить.

Сколько порывов остались неосуществленными из-за этого страха! Но острое любопытство позволяло мне раз за разом избегать рутины и всяческой косности. Все могло бы сложиться куда хуже.

Разглядывая себя, я вспоминаю и о своей склонности к отшельничеству. Сколько раз мне хотелось остаться одному, сколько раз хотелось покоя, находиться подальше от себе подобных, очутиться где-нибудь на необитаемом острове или в хижине на далеком горном склоне...

Собственная жизнь предстает передо мной как произведение искусства, и архангелы, выступающие в роли умудренных критиков, объясняют, в чем я мог бы ее усовершенствовать, а в чем она неповторима. Они без колебания хвалят наиболее достойные из моих поступков.

Но есть в моей жизни и менее похвальные дела. Это в основном мелкие проявления малодушия – все больше во имя моего драгоценного спокойствия.

Каждый мой поступок подолгу обсуждается. Мой адвокат пускает в ход все доступные ему средства.

Архангел Михаил ведет подсчет пунктов «за» и «против». Я слышал, что для освобождения от перевоплощения нужно набрать 600 баллов. Подсчет скрупулезный: любая ерундовая ложь, любой сердечный порыв, любое отречение, любая

инициатива оценивается в некое количество хороших или плохих баллов. В конце концов архангел Михаил объявляет итог: 597 из 600.

Мимо. Пустяковый, но все же недобор.

Мой адвокат вскакивает с места:

– Я обвиняю эти цифры в подтасовке и требую пересчета.

Разберем по одному все факты. Я обвиняю...

За нашими спинами нетерпеливо пыхтят все остальные души, ждущие своей очереди на взвешивание. Архангел Гавриил, явно уставший от нескончаемых «я обвиняю» моего ангела-хранителя, выходит из борьбы, и теперь архангелам требуется всего секунда, чтобы договориться между собой, настолько им не терпится от нас отделаться. Новый вердикт:

– Ладно-ладно, довольно, ваша взяла. Округляем до 600.

Вы освобождаетесь от цикла перерождений. Считайте, что вам повезло: вам достался чрезвычайно упорный ангел-хранитель, – заключает святой Михаил.

Эмиль Золя в восторге хлопает в ладоши:

– Истина всегда одерживает верх!

Архангелы объявляют мне, что, набрав 600 баллов, я получаю оценку «6».

– Что это значит?

– Шестой уровень сознания. Это позволяет тебе при желании окончательно покинуть тюрьму брэнной плоти.

Таким образом, у меня есть выбор. Либо вернуться на Землю и перевоплотиться там в Великого Посвященного,

чей долг – подстегивать развитие людей, живя среди них; в этом случае у меня сохранятся слабенькие воспоминания о пребывании в раю. Либо согласиться на другой вариант – стать ангелом.

– Что такое «ангел»?

– Светлое существо, отвечающее за три человеческие души. Задача ангела – поспособствовать успешному развитию как минимум одной души, покидающей в результате цикл перевоплощений. Подобно тому, что сумел сделать для тебя Эмиль Золя.

Я раздумываю. У обоих вариантов есть свои достоинства.

– Поторопись, следующие в очереди дышат тебе в затылок! – ворчит архангел Гавриил. – Так что ты выбираешь?

«Смерть? Ничего страшного. Знаю, ко мне приставлен ангел-хранитель, защищающий меня от всех опасностей. Однажды при переходе через улицу интуиция подсказала мне сделать шаг назад. Хотите верьте, хотите нет, но стоило мне отшатнуться, как мимо промчался, едва меня не задев, мотоциклист, которого я секунду назад не видел. Уверен, это было предупреждение моего ангела-хранителя».

Источник: ответ случайного прохожего репортеру.

4. Ангел

– Я выбираю ангельский чин.

– Отличный выбор, ты не пожалеешь, – одобряет Эмиль Золя.

Архангелы торопят, чтобы я уступил место следующим. Ангел-хранитель ведет меня ко входу в другой горный тоннель. Стены тоннеля излучают мерцание цвета морской волны, как светящийся изнутри бриллиант.

Эмиль Золя оставляет меня перед огромной освещенной пещерой, пожав на прощание руку. Я вхожу в тоннель. Путь преграждает мембрана. Я отодвигаю ее, как театральный занавес, и вижу человека, стоящего с праздным видом посередине коридора.

– Добро пожаловать в компанию ангелов, я ваш ангел-наставник.

– Ангел-наставник? Это еще что такое?

– Ангел-наставник, сменив ангела-хранителя, занимается воспитанием души, – сообщает он как нечто само собой разумеющееся.

Я разглядываю его.

Он смахивает на Кафку: высокие длинные уши, миндалевидные глаза, треугольное лисье лицо, лихорадочный взгляд.

– Моя фамилия Уэллс.

– Тот самый УЭЛЛС?

Он улыбается:

– Нет, я Эдмонд Уэллс, никакого отношения ни к Герберту, ни к Орсону Уэллсам, те – всего лишь мои однофамильцы, если вы подумали о них... Меня устраивает моя фамилия. Знаете, что она означает по-английски? «Колодцы». Можете считать меня колодцем, из которого будете черпать столько, сколько пожелаете. Нам предстоит проводить много времени вместе, поэтому предлагаю перейти на «ты».

– Я Пинсон, Мишель Пинсон. Никакого отношения к птичке¹.

Он сильно хлопает меня по плечу, но я ничего не чувствую.

– Рад знакомству, ангел Мишель.

Странно слышать свое имя в связке со словом «ангел», звучащим как «доктор» или «мэтр».

– Кем вы были «на гражданке»? – интересуюсь я.

– В смысле, в моей последней жизни, до выхода из цикла перевоплощений? В некотором смысле я был как ты: скажем, своего рода исследователем. Только меня занимала не «бесконечность вверху», а «бесконечность внизу», подземелье.

– Подземелье?

– Да, жизнь, таящаяся под кожей планеты. Маленькие лесные домовые.

Мы шагаем плечо к плечу по тоннелю, которому нет конца. Внезапно я останавливаюсь.

¹ Pinson (*фр.*) – зяблик. (Здесь и далее прим. переводчика.)

– Эдмонд Уэллс, Эдмонд Уэллс...

Я задумчиво повторяю его имя. Я уже видел его в газете и теперь усиленно роюсь в памяти. Нашел!

– Вы, случайно, не были замешаны в деле об убийстве изготовителей инсектицидов?

– Ну, ты силен!

«Маленькие лесные домовые...» Я морщу лоб, напрягая память.

– Вы придумали прибор для общения с муравьями!

– Я нарек его «Розеттским камнем», потому что он служил посредником между двумя совершеннейшими цивилизациями планеты, неспособными, увы, понять и оценить одна другую: людьми и муравьями.

Кажется, он испытывает ностальгию по своему изобретению.

– Я буду учить тебя «ангельскому» ремеслу, – продолжает он, – вместе с вытекающими из него обязанностями и возможностями. Главное, никогда не забывай, что находиться здесь – это само по себе ОГРОМНАЯ ПРИВИЛЕГИЯ.

Он чеканит дальше:

– ТЫ ХОТЬ ПОНИМАЕШЬ, ЧТО БОЛЬШЕ НЕ ПЕРЕРОЖДАТЬСЯ – ВЕЛИЧАЙШИЙ ДАР, О КАКОМ МОЖЕТ МЕЧТАТЬ ЧЕЛОВЕК?

До меня начинает доходить, что я освобожден от цикла перевоплощений.

– Чему же вы будете меня учить, месье Уэллс?

5. Энциклопедия

СМЫСЛ ЖИЗНИ: «Смысл всего в развитии».

Сначала было...

Ноль: пустота.

Пустота развилась и стала материей. Это дало...

Первое: минералы.

Минералы развились и обрели жизнь. Это дало...

Второе: растения.

Растения развились и обрели подвижность. Это дало...

Третье: животных.

Животные развились и приобрели сознание. Это дало...

Четвертое: человека.

Развитие человека позволило его сознанию достичь стадии мудрости. Это дало...

Пятое: духовного человека.

Развитие духовного человека шло в направлении превращения в нематериальный дух. Это дало...

Шестое: ангела.

Эдмонд Уэллс,

Энциклопедия Относительного и Абсолютного Знания, том IV.

6. Эдмонд Уэллс

– Итак, я – номер 6?

– Итак, ты – «ангел», – уточняет Эдмонд Уэллс.

– Я всегда представлял ангелов с нимбом над головой и с крылышками на спине.

– У этого шаблонного образа древние корни. Нимб – это остаток железного карниза, ими римляне защищали статуи христианских святых от птичьего помета. Крылышки же на спине восходят к месопотамской традиции изображать отростками на спине все, что считалось принадлежностью высшего мира. Крылатыми изображали лошадей, быков, львов...

– Что меняется, когда ты становишься ангелом?

Я смотрю на свою руку. Только сейчас я заметил, что все мое тело излучает сияние цвета морской волны.

– Физические изменения – это еще не самое главное, – отвечает Эдмонд Уэллс. – Куда важнее то, что в этом новом состоянии меняется твое отношение к живым существам и к предметам.

Эдмонд Уэллс принимается объяснять, чем я буду теперь заниматься. Мне будут вверены три души в человеческом воплощении. Моя задача – сделать так, чтобы по меньшей мере одна из них развилась до 600 баллов, тоже стала номером 6 и вышла, таким образом, из цикла перерождений. Моя работа

будет состоять в том, чтобы следовать за этими тремя земными жизнями, помогать им, сопровождать их. Когда они скончаются, я выступлю их адвокатом при процедуре взвешивания в присутствии трех архангелов.

– Как только что Эмиль Золя в отношении меня?

Эдмонд Уэллс подтверждает мое умозаключение.

– Благодаря этому своему успеху Эмиль Золя смог перейти на более высокий уровень ангельского развития.

Теперь понятно, почему Эмиль Золя проявил такое упорство перед моими судьями и почему, победив, так возликовал.

– Что собой представляет этот «более высокий уровень развития»?

Мой наставник отвечает, что на каждом этапе обучения я буду приобретать надлежащие познания. Сначала должна успешно сложиться моя ангельская карьера, это – условие допуска в более высокие сферы.

Так, за беседой, мы доходим до конца тоннеля. Выход из него лучится, подобно голубому бриллианту, как и вход. Перед нами простирается «страна ангелов».

«Ангелы? Нет, прошу прощения, я в такое не верю. Все это – не более чем дань моде. То возникает мода на ангелов, то на каких-нибудь инопланетян. Бездельникам и суеверным людям это дает пищу для ума. Ломая над этим голову, они забывают о

безработице и об экономическом кризисе.

Источник: ответ случайного прохожего репортеру.

7. Страна ангелов

Я люблюсь представшей моему взору бескрайней панорамой.

– Ты не обязан ходить по земле, – подсказывает мне Эдмонд Уэллс. – Здесь нет тяготения, мы свободны от материальных условностей. Можешь перемещаться в пространстве, куда и как захочешь.

Если бы не отчасти матовая просвечивающая почва, можно было бы подумать, что мы находимся на «нормальной» человеческой территории.

Эдмонд Уэллс указывает на некоторые ориентиры:

– На западе равнина, где прогуливаются ангелы, желающие между собой поспорить. На севере крутые обрывистые горы с глубокими пещерами, там ангелы могут уединиться, когда захотят покоя. Идем!

Отсюда вся эта территория напоминает глаз. В центре длинной узкой миндалины синееет круг, похожий на радужную оболочку, – лес отдающих в синеву деревьев.

Посередине радужной оболочки блестит зрачок – черное озеро. В отличие от настоящего человеческого зрачка, это озеро – не круг, оно имеет форму... сердца. У меня возникает чувство, что рай – это бирюзовый глаз, глядящий на меня черным сердцем-зрачком.

– Это озеро Зачатия, – объясняет Эдмонд Уэллс.

Мы приближаемся к более темному участку. Окружающие его бирюзовые деревья похожи на приморские сосны с густыми плоскими кронами.

Под деревьями я вижу ангелов. Большинство, сложив по-турецки ноги, парят под ветвями в метре над землей, с интересом рассматривая расположенные перед каждым треугольником три шара. Одни заметно нервничают, другие возбужденно передвигаются от одного шара к другому.

Ангелов тысячи, они занимают многие километры. Мой наставник отвлекает меня от наблюдения за ними и зовет за собой, вверх.

– Что это за деревья?

– На самом деле это не деревья, а средства для улучшения излучения и приема исходящих от земли волн.

Мы делаем резкий поворот. На юге я вижу долину, где собираются «ограниченными группами» ангелы.

Мы меняем курс.

На востоке виднеется еще один вход, лучащийся словно зеленый бриллиант. Все здесь блестит, все прозрачно, все испещрено бликами: и черная вода озера, и бирюзовые деревья, и перламутровая белизна земли.

– Сапфировые врата – вход в страну ангелов, ты пришел оттуда.

Эдмонд Уэллс указывает на вспыхивающий зеленым грот на востоке.

– Изумрудные врата служат выходом, через них ты уй-

дешь, завершив свою ангельскую миссию. Мы отправимся на западные равнины. Я знаю там спокойный уголок, где удобно будет провести первое учебное занятие.

Тема первого урока Эдмонда Уэллса – тайна чисел. Он объясняет, что применяемые на Западе цифры имеют индийское происхождение и указывают направление эволюции жизни. Горизонтальная черта – это привязанность, кривая – любовь, перекрестье – выбор.

1: минерал. Простая вертикальная линия без искривлений и горизонтальных линий. Ни привязанности, ни любви. Минерал не обладает чувствительностью.

2: растение. Линия привязки к земле – крепящий к ней корень. Выше – обращенная к небу кривая любви, лист или цветок, любящие свет.

3: животное. Две кривые любви. Животное любит землю и небо. Но отсутствие горизонтальной линии говорит об отсутствии привязанности. Поэтому его тянут в разные стороны эмоции.

У меня ощущение, что я уже слышал что-то в этом роде. Зачем он мне это повторяет? Принимает за глупца?

– Это послание о форме индийских цифр кажется тебе нехитрым, – отвечает Эдмонд Уэллс на мой невысказанный вопрос. – Тем не менее в нем заключены все загадки, все тайны, все секреты эволюции сознания. Поэтому важно повторять его, без конца к нему возвращаться. Мир развивается согласно символике индийских цифр.

Эдмонд Уэллс продолжает рисовать на нашей облачной доске.

4: человек. Его символ – крест. Это значит, что у него есть выбор. Он находится на перекрестке, где принимается решение о новом направлении движения. Таким образом, у человека есть альтернатива: либо спуститься на животный уровень 3, либо подняться уровнем выше.

Кончиком пальца мой наставник рисует цифру «5».

5: мудрец. У него есть горизонтальная линия привязки к небу и направленная к земле кривая любви. В его голове строятся планы, при этом он любит мир...

– Прямая противоположность двойке, – подхватываю я, вникая, наконец, в смысл урока.

– ...Пятерка развивается в сторону большего сознания. Большой свободы. Большой сложности. Пятерка стремится вырваться из тюрьмы плоти, навязывающей ей страх и боль. Она хочет стать шестеркой.

Он изображает цифру «6».

– Шестерка – это одна сплошная кривая. Кривая любви, ведь ангел полон любви. Взгляни на эту спираль. Его любовь устремляется ввысь, снова опускается к земле, поднимается к центру. Любовь описывает круг и побуждает его любить себя самого.

– Все шестерки такие?

– Нет. Все они на это способны, вот и все. Я рассчитываю тебя преобразовать, чтобы ты стал шестеркой, достой-

ным так называться.

– А семерка?

Эдмонд Уэллс почему-то хмурится:

– Нынче твой урок завершается на шестерке. Ты не можешь узнать больше себя самого. Сосредоточься на теперешней задаче, не распыляйся. Я не машина, отвечающая на все вопросы. Идем!

Он снова воспаряет над землей. Мне надо привыкать к этой способности управлять собственным телом в трех измерениях, как при погружении под воду. Только при погружении все движения утяжелены и замедлены трением воды, а здесь любому движению ровным счетом ничего не мешает.

Есть и другие новшества, к которым мне надо привыкать, например, я больше не дышу. Раньше организм почти бессознательно существовал в ритме своих легких. Этот ненавязчивый метроном отбивал такт всему моему существованию. Здесь этого не происходит. Я нахожусь в бесконечном времени, в нематериальном теле.

Эдмонд Уэллс говорит, что нам надо выбрать фигуры для моей последующей игры. Он ведет меня к черному озеру в форме сердца. Приглядевшись, я вижу на его поверхности отражения. Озеро – огромный горизонтальный экран, нарезанный на тысячи маленьких экранчиков. На каждом рябь из переплетенных обнаженных тел. Тереть глаза бессмысленно – их нет. Это не сон, подо мной парочки, занимающиеся любовью.

– Это что, порнокинотеатр?

Он пожимает плечами:

– Это озеро Зачатия, мы над ним пролетали. Здесь ты выберешь родителей для людей, над которыми возьмешь шефство.

Вокруг нас снуют другие ангелы в сопровождении своих наставников, они тоже всматриваются в мельтешащие на поверхности озера фигурки.

– Чем мне руководствоваться? Тем, как они... совокупляются?

– Именно. Но сперва я должен открыть тебе важный секрет. Рецепт души.

8. Энциклопедия

РЕЦЕПТ ДУШИ. Изначально человеческая душа определяется тремя факторами: наследственностью, кармой, свободой воли. Пропорционально они представлены в следующем соотношении:

25 % – наследственность,

25 % – карма,

50 % – свобода воли.

Наследственность: это значит, что изначально душа на четверть подвержена влиянию качества генов, образования, места проживания, качества среды обитания, элементов, зависящих от земных родителей.

Карма: это значит, что изначально душа на четверть подвержена влиянию элементов предшествовавшей жизни, неосуществленных желаний, ошибок, ран и прочего, не переставшего довлеть над нашим подсознанием.

Свобода воли: это значит, что изначально душа наполовину сама, без всякого влияния извне, решает, как ей быть.

25, 25, 50 % – исходные пропорции. При 50 % свободной воли человек может впоследствии изменять этот рецепт. Либо он освобождается от влияния наследственности, выходя в ранней юности из-под родительской власти. Либо бежит от своей кармы, отказываясь учитывать свои подсознательные побуждения. А можно, наоборот, презреть свободу во-

ли, согласившись на участь игрушки своих родителей и своего подсознания. Так замыкается круг. Наивысший парадокс – это когда человек во исполнение свободы воли отказывается от... свободы воли.

Эдмонд Уэллс,

Энциклопедия Относительного и Абсолютного Знания, том IV.

9. Три зачатия: 9 месяцев до рождения

Я наблюдаю за бурлящим человечеством. Если я правильно понял, то, делая выбор среди этих пар, я заложу 25 % наследственности существ, за которых буду отвечать.

Я парю над озером Зачатий и вглядываюсь во все экраны. Пары подо мной представляют все континенты, все страны, все народности.

Одни трудятся на кроватях, другие – на кухонных столах, кто-то осваивает кабины лифтов, лежаки на пляжах, кто-то пытается укрыться в лесной чаще...

Странное зрелище – люди, застигнутые в момент, который они считают самым интимным таинством. Чем мне руководствоваться, делая выбор? Привыкнув слушаться своей интуиции, я останавливаюсь на парочке, чьи движения кажутся мне наиболее гармоничными. Мужчина – серьезный бледный брюнет, женщина – тоже брюнетка, длинноволосая, с виду мягкосердечная. Я указываю на них пальцем:

– Вот эти!

По информации Эдмонда Уэллса, мои избранники – французская пара из Перпиньяна по фамилии Немрод, книготорговцы среднего достатка, многодетная семья – четыре дочери, а еще кошка. Мой наставник легко прикасается к экрану. Зачатие зарезервировано.

– Теперь их не заберут себе другие ангелы.

Изучив ДНК совокупляющихся, он сообщает мне результат:

– Ммм...

– Что такое?

– Так, ничего. Мужчина склонен к респираторным заболеваниям. Вечно будет покашливать.

– А женщина?

Мой наставник после недолгого изучения отвечает:

– Рыжие волосы.

Он проецирует в мое сознание ускоренную картину встречи сперматозоида и яйцеклетки. Я вижу двадцать три мужские хромосомы, соединяющиеся с двадцатью тремя женскими.

– Мальчик или девочка?

Он наблюдает слияние двух гамет и объявляет:

– ХУ, мальчик. Переходим к следующему.

Я долго выбираю и останавливаюсь на паре с кожей медового оттенка. Оба так прекрасны в своей наготe, что от их совокупления должно родиться супердитя.

– Американские цветные из Лос-Анджелеса, – объявляет Эдмонд Уэллс.

Мать – манекенщица, отец – актер. Семья Шериданов. Состоятельные, принадлежат к крупной буржуазии. Ребенок будет их желанным первенцем: чтобы зачать, мать прошла специальный лечебный курс, раньше она долго опасалась,

что останется бесплодной. ДНК родителей более чем удовлетворительная, никаких физических дефектов.

– ХХ, девочка.

По-моему, эта классификация – ХХ, ХУ – совпадает с тем, что описано в Библии. Знаменитое «ребро Адама» – это, наверное, просто-напросто нижняя палочка от Х, превращающегося в У.

При выборе третьей пары я снова доверяюсь своей интуиции.

– Русские из Санкт-Петербурга, – сообщает мне Эдмонд Уэллс. – Фамилия – Чеховы. Бедная семья, оба безработные. Это будет их первый ребенок.

Мужчина и женщина знакомы недавно, живут отдельно. По всей вероятности, ребенка будет воспитывать один родитель. ДНК у обоих замечательная. ХУ, будет выносливый мальчик.

Эдмонд Уэллс что-то перепроверяет и уточняет, подключаясь к неведомым мне волнам. Потом поднимает голову и подытоживает:

– Два мальчика, одна девочка. Хороший набор. Француз слаб здоровьем, у американки со здоровьем более-менее, у русского отменное здоровье. Сейчас разберемся с влиянием физического состояния на параметры личности.

Он потирает руки.

– Отлично, отлично! – восклицает Эдмонд Уэллс, мысленно выдавая три таблицы, сразу отпечатывающиеся в мо-

ем сознании.

Еще сосредоточившись, он добавляет:

– Я уже могу определить, что француза назовут Жаком, американку Венерой, русского Игорем. Ваши клиенты готовы.

– Клиенты?

– Здесь пользуются этим техническим термином, обозначая подопечные души. Вы вроде как адвокаты, защищающие клиентов.

– Какова моя задача в отношении этих клиентов в настоящий момент?

– Ждать семь месяцев, чтобы узнать, какая им будет назначена карма.

– Семь месяцев – это долго!

– Только не здесь. Потому что здесь время относительно, а не абсолютно.

Он улыбается:

– Впрочем, время для всех относительно, потому что каждый воспринимает его по-своему.

И он декламирует по памяти:

«Хочешь узнать ценность года – спроси студента, провалившего экзамен.

Хочешь узнать ценность месяца – спроси мать, родившую преждевременно.

Хочешь узнать ценность недели – спроси издателя еженедельника.

Хочешь узнать ценность часа – спроси влюбленного, ожидающего свидания.

Хочешь узнать ценность минуты – спроси опоздавшего на автобус.

Хочешь узнать ценность секунды – спроси человека, потерявшего в аварии своего близкого.

Хочешь узнать ценность тысячной доли секунды – спроси серебряного медалиста Олимпийских игр».

И мой наставник шутливо добавляет:

– Хочешь узнать ценность человеческой судьбы – спроси своего ангела-наставника. Мы не придаем значения мелким обстоятельствам, всем этим бесцветным мгновениям в жизни наших клиентов. Вместо этого мы сразу беремся за важные моменты, за основополагающий выбор.

Эдмонд Уэллс удаляется. У него есть другие ангелы-дебютанты, которым надо преподать урок.

Я стою, замороженно глядя на рябящую поверхность озера Зачатий – на тысячи занимающихся любовью пар. У меня на глазах закладывается будущее человечества. Мне хочется всех их подбодрить, ведь чем с большим удовольствием произойдут эти зачатия, тем успешнее будет, думаю, результат.

10. Энциклопедия

ЯЙЦЕКЛЕТКА. Долго считалось, что яйцеклетку оплодотворяет самый шустрый из сперматозоидов. Теперь известно, что это совершенно не так. До яйцеклетки одновременно добираются несколько сотен сперматозоидов. Доберутся – и ждут, как в зале ожидания. Чего ждет яйцеклетка?

Ее избранником станет один-единственный.

Она изучает претендентов. По каким критериям она делает выбор? Недавно это выяснили.

Яйцеклетка выбирает тот сперматозоид, чьи генетические характеристики в наибольшей степени отличаются от ее. Можно подумать, что уже на этой первой стадии наши клетки знают, что природу обогащает различие, а не сходство. Делая выбор в пользу наиболее «чуждого» ей сперматозоида, яйцеклетка подчиняется первой биологической мудрости: избежать проблем кровного родства. Чем больше близость двух генетических формул, тем выше риск генетических болезней.

Эдмонд Уэллс,

Энциклопедия Относительного и Абсолютного Знания, том IV.

11. Неожиданная встреча

– Ну что, старый развратник, чего тарацишься?

Я вздрагиваю. Этот голос!

– Лично меня от всех этих совокупающихся смертных тошнит. Потееют, задыхаются... И вообще, тоскливо наблюдать чужую любовь, когда знаешь, что сами мы никогда уже не предадимся плотским утехам.

Я оборачиваюсь.

Рауль РАЗОРБАК!

Тощий, нескладный, с длинным треугольным лицом, с острым носом – вылитый ястреб. Его большие руки с длинными тонкими пальцами непрерывно двигаются. Он в точности такой, каким я впервые увидел его на кладбище Пер-Лашез. Я всегда перед ним робел. Его непринужденность и уверенность в себе, в осуществимости своих смелых грез полностью изменили мою жизнь.

– Ты-то что здесь делаешь, Рауль?

Он спокойно опускается на колени и складывает руки на груди.

– Я попросил о том, чтобы переродиться в растение и немного отдохнуть. Так я приобрел исключительный статус. Я был виноградной лозой, стал плодоносить, с меня собрали ягоды. Из ягод сделали вино, меня выпили, и вот я вернулся сюда, сохранив свои очки. Мой ангел-хранитель постарался,

чтобы я получил статус ангела.

– А я-то ждал повстречать тебя в раю!

– В раю? Ты шутишь? Там хуже, чем в доме престарелых. Милейшая компания! И смертельная скука. Надо побыстрее сматываться, чтобы продолжить исследование вселенной, черт возьми!

Рауль начинает волноваться.

– Здесь огромное учреждение, ничего более. Управляют друг другом, подсиживают друг друга, подглядывают за смертными. Хорошенькое удовольствие! Моим худшим кошмаром было угодить в чиновники. Лучше бы нам с тобой, Мишель, вернуться на Землю и дальше прикидываться Великими Посвященными. Нас обвели вокруг пальца. Ангелы, ну и ну! Если снова прохлопаем ушами, то застрянем в ангелах на сто тысяч лет и будем накладывать на себя руки после каждого клиента. Сущяя каторга!

Узнаю своего лучшего друга, не растерявшего ни капли своего неистовства. Он добавил мне бодрости. Я больше не один. Обрести наверху друга снизу – истинная удача.

Он указывает на окружающее нас кольцо гор.

– Уверяю тебя, мы угодили в самую худшую из всех тюрем. Смотри, какие высокие стены. Послушай, мы в аду!

– Не богохульствуй, Рауль.

– И не думаю! Конечно, я знаю, что ада не существует, но если честно, об этом можно пожалеть. Гораздо забавнее было бы очутиться среди кипящих котлов, в окружении по-

хотливых нагих красоток, гарпий и чертят, в сполохах огня и распутства, немного как на седьмом небе, разве не здорово? А здесь сплошь синь да белизна, облака и прозрачные силуэты, и даже горизонт не сулит никакого разнообразия. Нет, прочь отсюда, и поживее, навстречу нашим приключениям исследователей двадцать первого столетия. Раздвинуть пределы известного, продолжить эпопею танатонавтов. Дальше и дальше в Неведомое!

Он обнимает меня за плечи.

– С первых шагов человечества появлялись люди, желавшие разведать, «что там, за горами». Мы с тобой, Мишель, принадлежим к тем, кто торопится туда первым. Мы были и остаемся первопроходцами. Поэтому, дружище, я предлагаю тебе отправиться на поиски очередной *Terra incognita*.

Я внимательнее приглядываюсь к Раулю. Он сохранил замашки Шерлока Холмса, и я опять ощущаю себя рядом с ним верным доктором Ватсоном. Какие новые приключения он мне предложит? Мы и так уже в раю, мы все обо всем познали, что еще исследовать?...

Смерть? Да, я о ней думаю. Хотелось бы умереть во сне. Заснуть, увидеть сны – и умереть. Дальше мне хотелось бы быть кремированным, вышло бы менее накладно для моей семьи. Они поставят урну с моим прахом на каминную полку и будут избавлены от обязанности ухаживать за цветочками на моей могиле.

Что до наследства... Ммм! Так и быть, скажу. Я припрятал денежки в фигурке бегемота в подвале, за тяжелым комодом якобы в стиле Людовика XV. Стоит только слегка его отодвинуть. Сокровище достанется тому, кто его найдет.

Источник: ответ случайного прохожего репортеру.

12. Выбор душ. До рождения менее двух месяцев

Эдмонд Уэллс хлопает меня по плечу:

– В тела твоих клиентов вот-вот вселятся души. Нельзя терять ни минуты. За мной!

Я покидаю Рауля. Наставник увлекает меня в спокойную южную зону и просит сесть по-турецки у входа. Отсюда нашим взорам открывается вся ангельская страна.

– Отсюда удобнее всего наблюдать за развитием событий.

Он берет мои кисти и поворачивает их ладонями к небу. И тут происходит нечто необычайное. Из северо-восточного угла горизонта к нам плывут три шара, замирают над моими ладонями: один над левой, другой над правой, третий чуть выше, между ними. Получается парящий треугольник.

– Через эти сферы ты не только увидишь, но и услышишь души твоих клиентов. Так ты сможешь ими управлять.

Я протираю шары один за другим, и они начинают светиться. Внутри я вижу своих клиентов, как если бы наблюдал при помощи камеры за происходящим внутри материнских животов. Мои шары оранжевые, потому что клиенты пребывают в амниотической жидкости.

– Сейчас я научу тебя второму выражению из ангельского жаргона. Эти сферы контроля за душами, которые ты держишь, называются у нас яйцами. Мы их высиживаем, как

птицы.

Эдмонд Уэллс устраивается рядом со мной.

– Вот и настало время дарования душ.

– Можно выбрать им души?

Он улыбается:

– Нет. Сейчас момент вмешательства верхнего мира, мира Семерок.

Мы ждем. Шары начинают светиться один за другим, как от электрического разряда. Рассмотрев первый засветившийся шар, Эдмонд Уэллс сообщает мне, что Жак обрел душу индейца народности пуэбло, чье последнее земное существование имело место веком раньше. Бродячий сказитель, странствовал от племени к племени, потчuya детей легендами их народа. В один злосчастный день стоянка, где он ночевал, подверглась нападению золотоискателей. Он попытался спрятаться, но его нашли и, срезав предмет его гордости – длинные черные пряди, смазанные медвежьим жиром, – повесили.

Количество баллов, набранное при взвешивании его души: 350.

Эдмонд Уэллс переводит взгляд на второй засветившийся шар. Игорь получил душу французского астронавта, приверженца одиночества, прожившего трудное детство под боком у сварливой матери. Потом на его жизненном пути была тюрьма, освобождение из которой он добыл путем добровольного участия в опасных космических миссиях. Слом-

ленный несчастной любовью, он избрал смерть в особенно рискованной экспедиции...

Количество баллов, набранное при взвешивании этой души: 470.

Наконец, шар, засветившийся третьим: Венера получает душу богатого китайца, умершего более двух веков назад. Эпикуреец не самого крепкого здоровья, был любителем вкусно поесть и развлечься с хорошенькими женщинами. Его одаривали своей дружбой сам император и могущественные персоны из Запретного города. При одном из выездов в провинцию на него напали разбойники. Богач был ограблен и закопан заживо. Он долго бился, пытаясь выбраться наружу. Чудовищная смерть!

Эта душа набрала при взвешивании 320 баллов.

– Комплект недурен, – одобряет Эдмонд Уэллс. – Две твои души преодолели порог в 333 балла.

– Что означает этот порог?

– Средний уровень сознательности по всему человечеству. Высчитывается как среднее при суммировании баллов по душам шести миллиардов людей. Получается 333. Это значит, что большинство людей ближе к полу, чем к потолку. Наша задача – повышать средний показатель, – подбадривает меня наставник.

Я разглядываю своих «клиентов» внутри их «яиц».

– Цель, – продолжает Эдмонд, – наращивать уровень их сознания. «Подъем одной души равнозначен подъему всего

человечества».

– Вы хотите сказать, что если мне удастся приподнять уровень хотя бы одного из трех моих клиентов, то человечество перейдет с 333 баллов на 334?

– Прогресс не так стремителен. Для подъема среднего показателя на целый пункт нужна одновременная эволюция множества людей, – объясняет мой учитель.

Он просит, чтобы я присутствовал при рождении моих протеже, дабы уже при выходе из материнской утробы запечатлеть на них ангельский отпечаток. Так скрепляется пакт между ангелом-хранителем и его смертным подопечным. Тем самым предается забвению его прежняя карма.

– Тебе достаточно прикоснуться к лицу новорожденного под носом, чтобы там осталась впадинка.

И он учит меня этому приему, касаясь моего собственного лица.

– Но после этого тебе запрещено возвращаться на Землю, – ворчит он. – Категорический запрет!

13. Энциклопедия

СОТРУДНИЧЕСТВО – ВЗАИМНОСТЬ – ПРОЩЕНИЕ.

В 1974 г. психолог и философ Анатолий Рапапорт из университета Торонто выдвинул идею, что наиболее «эффективные» способы поведения по отношению к другому человеку – это: 1) сотрудничество, 2) взаимность, 3) прощение. Иными словами, когда индивидуум или группа встречает другого индивидуума или группу, то самое правильное согласно правилу взаимности – давать другому столько же, сколько хочешь получить взамен. Если другой помогает, помогаете и вы; если другой нападает, надо отвечать агрессией, таким же способом и с той же интенсивностью. Затем надо простить былые прегрешения и снова предложить сотрудничество.

В 1979 г. математик Роберт Аксельрод устроил соревнование автономных компьютерных программ, способных вести себя как живые существа. Требование было одно: каждая программа должна была иметь алгоритм спора и взаимодействия с соседями.

Роберт Аксельрод получил 14 дискет с программами от университетских коллег, заинтересовавшихся соревнованием. Каждая программа содержала разные правила поведения (простейшие – по две строчки кодекса поведения, сложнейшие – сотню); цель состояла в накоплении максимального количества очков. Правилom некоторых программ бы-

ло скорейшее использование соседей, завладение, силой или хитростью, их очками и быстрая смена партнеров для продолжения накопления очков. Другие программы предполагали самостоятельность, сохранение своих очков и недопущение контакта с потенциальными похитителями. Были и такие, правила которых гласили: «Если другой враждебен, предупредить его о необходимости изменения поведения, затем приступить к наказанию». Или: «Сотрудничать, а затем неожиданно предать».

Каждая программа двести раз противопоставлялась каждой из программ конкурентов.

Программа А. Рапорта с поведением CPR (сотрудничество – взаимность – прощение) победила все остальные.

Более того, программа CPR, произвольно помещенная среди других, сначала уступала агрессивным программам воровства, но в конце концов начала их побеждать и даже стала со временем «заразной». Соседние программы, уяснив, что она эффективнее всего набирает очки, стали равняться на нее.

Закон CPR оказался наиболее эффективным в долговременной перспективе. Любой может в этом убедиться в своей повседневной жизни. Значит, следует забыть об унижающем вас поведении коллег и конкурентов и не прекращать как ни в чем не бывало предлагать им сотрудничество. В конце концов эта тактика окупится. Это не мягкотелость, это ваш собственный интерес, доказанный компьютерной техникой.

Эдмонд Уэллс,
Энциклопедия Относительного и Абсолютного Знания, том
IV.

14. Зародыш Жак. Менее 2 месяцев до рождения

Надо же, как странно... Я плаваю. Я нахожусь в мешке, полном мутноватой жидкости. Я в материнской утробе? Без сомнения.

Я помню свое прежнее существование. Я был американским индейцем, рассказывал у вечернего костра разные истории. Потом нагрянули белые. Они меня убили. Повесили.

Теперь мне предстоит вернуться в мир. Но куда? В какую страну, в какую эпоху, кто будут мои родители? Меня не покидает тревога.

Там, наверху, спорят. Вероятно, я слышу голос своей новой матери. Что она говорит? Поразительно, как хорошо я ее понимаю. Мама говорит обо мне. Говорит, что назовет меня Жаком. Говорит, что по ночам я пинаюсь и тогда она поворачивается так, чтобы кончики пальцев моих ног оказались у нее под животом. А как ей понравится вот это? Еще один пинок!

Мама говорит, что планирует гаптономию.

– Что такое «гаптономия»? – интересуется ее подруга.

– Способ позволить отцу участвовать в беременности. Он кладет на живот жены ладони, чем сигнализирует плоду о присутствии второго небезразличного к нему человека.

Сказано – сделано. Уже вчера я почувствовал их, эти ру-

ки. Значит, у меня есть не только мама, но и папа.

Мама объясняет, что я, младенец Жак, отлично узнаю отцовские руки и ложусь прямо в них, как только они оказываются у нее на животе.

Я толкаю пуповину. Ну и скука здесь! Знать бы, что будет снаружи.

15. Зародыш Венера. Менее 2 месяцев до рождения

Значит, я существую.

Странное дело: я знаю, что являюсь всего лишь зародышем, тем не менее кое-что ощущаю. Не снаружи, а рядом со мной.

Меня сдавливает, это невыносимо. Не могу терпеть невозможность шелохнуться. Делаю все, что могу, чтобы определить, что меня блокирует, и вдруг обнаруживаю рядом с собой брата-близнеца.

У меня есть брат-близнец!

Я догадываюсь, что мы оба соединены с матерью пуповинами, а еще – о чудо! – у нас с ним есть прямая связь. Мы можем общаться.

– Ты кто?

– А ты кто?

– Я – маленькая девочка у мамы в животе.

– А я – маленький мальчик.

– Я рада, что у меня есть компания. Всегда думала, что жизнь эмбриона протекает в одиночестве.

– Хочешь, расскажу тебе о себе?

– Конечно.

– В прошлой жизни я покончил с собой. Мне оставалось протянуть еще немного, вот меня и отправили сюда, довер-

шить мою карму. А ты?

– Я – бывший старик-китаец, богатый и могущественный мандарин. У меня была уйма жен и слуг.

Я шевелюсь. От этих воспоминаний мне хочется повернуться и вытянуться.

– Я тебе мешаю?

– Да, мне немного тесно. Наверное, я тоже тебе мешаю.

– Мне все равно, сестренка. Теснота – это ничего, лучше хорошая компания, чем простор и одиночество в этих потемках.

16. Зародыш Игорь. Менее 2 месяцев до рождения

Значит, я существую.

Ничего толком не различаю. Только окружающую меня среду – красновато-оранжевую. Еще я слышу звуки: бие-ние сердца, бурление кишечника, мамин голос. Она говорит непонятные мне вещи.

– Я-не-хочу-оставлять-этого-ребенка.

Абракадабра.

Я расставляю слоги так и этак, пока не восстанавливаются мои прежние познания, позволяющие вникнуть в смысл.

Мужской голос – вероятно, папин.

– Ну и дура! Ты уже придумала для него имя – Игорь. С того момента, когда нечто определено, оно начинает существовать.

– Сначала я хотела этого ребенка, а теперь перестала хотеть.

– Сказано тебе, теперь уже поздно. Раньше надо было думать. Теперь ни один врач не согласится прервать беременность.

– Никогда не бывает слишком поздно. У нас нет средств, чтобы растить ребенка, это значит, что от него надо немедленно избавляться.

Смешки.

– Какая же ты сволочь! – кричит мама.

– Уверяю тебя, ты обязательно его полюбишь, – гнет свое папа.

Женские рыдания.

– У меня такое чувство, что внутри меня разрастается опухоль, она меня пожирает. Какая гадость!

Покашливание.

– Знаешь, поступай как хочешь! – восклицает папа. – Хватит с меня твоего вечного нытья. Все, я пошел. Я от тебя ухожу. Выкручивайся сама.

Хлопает дверь. Мама плачет, потом переходит на визг.

Проходит какое-то время. Внезапно на меня обрушиваются удары кулаком. Папа ушел. Значит, мама сама колотит себя по животу.

На помощь!

Меня так просто не возьмешь. Я мщу за себя: пинаюсь ногами. Того, кто меньше тебя, ничего не стоит обидеть, особенно когда тому некуда деваться.

17. Энциклопедия

ГАПТОНОМИЯ. В конце Второй мировой войны нидерландский врач Франц Вельдман, сбежавший из нацистского лагеря, пришел к выводу, что беды нашего мира проистекают из того, что дети недостаточно рано начинают получать родительскую любовь.

Ученый обратил внимание, что отцы, занятые главным образом работой или войной, редко занимаются своим малолетним потомством. Вельдман стал искать способ, как быстрее, желательнее еще на стадии беременности жены, вовлечь отца в заботу о ребенке. Как это сделать? Прикасаясь к материнскому животу. Так он изобрел гаптономию (по-гречески «гаптеин» – трогать, «номос» – закон).

Закон о касании.

Определенным поглаживанием материнского живота отец сообщает ребенку о своем существовании и устанавливает с ним первую связь. Как оказалось, плод часто бывает способен распознавать среди многих прикосновений руку своего отца. Самые одаренные отцы даже умудряются побуждать плод перемещаться от ладони к ладони.

Гаптономия, рано строящая треугольник «мать-отец-ребенок», хороша тем, что учит отца ответственности. К тому же беременная меньше испытывает одиночество. Она разделяет свой опыт с отцом ребенка, может рассказывать ему,

что чувствует, когда он касается ее и ребенка. Гаптономия не является, конечно, гарантией счастливого детства, но, очевидно, открывает новые возможности в эмоциональной жизни матери и отца будущего дитя. В Древнем Риме беременных окружали *comites* (буквально «спутницы»). Но, разумеется, больше всего пристало быть рядом с матерью отцу будущего ребенка.

Эдмонд Уэллс,

Энциклопедия Относительного и Абсолютного Знания, том IV.

18. Идеи Рауля

Я слежу за своими сферами.

Родители Жака прибегают к гаптономии. Его высиживание проходит в хороших условиях.

Игоря осыпают ударами. Условия высиживания хуже некуда.

К большому моему удивлению, у Венеры объявился брат-близнец. Не знаю, хорошо это или плохо.

– Мы теряем здесь время. Станем снова самими собой. Изучим новые пределы. Отодвинем границы познания, – говорит мне Рауль, снова принимаясь за меня, стоит исчезнуть Эдмонду Уэллсу.

Мои шары продолжают медленное вращение у меня под носом. Я указываю на них подбородком:

– Я не собираюсь вечно оставаться приклеенным к ним. Как мне от них избавиться?

Рауль демонстрирует, что достаточно перевернуть руки ладонями вниз, чтобы отделаться от яиц: они улетят. Так и вышло: они устремляются на северо-восток, как летательные аппараты с дистанционным управлением.

– Куда пойдём?

– Куда-нибудь в горы.

Я поворачиваю руки ладонями вверх, и все три шара немедленно появляются на северо-востоке и автоматически

опускаются на прежние посадочные площадки. Теперь мне яснее эта система. Рауль не скрывает раздражения:

– Хватит забавляться. Мне нужна твоя помощь, Мишель. Помнишь наш лозунг славных времен танатонавтики «Дальше и дальше, к неведомому!»?

Я задираю голову к невероятному небу.

– Ничего неведомого уже не осталось, одна лишь ответственность перед нашими зародышами.

Рауль предлагает лететь на восток. Мы сменили наблюдательный пункт, но кое-что неведомое все же остается. Мы ничего не знаем о том, что находится над миром ангелов. Мы достигаем восточного предела их территории.

– Что ты хочешь сделать?

Он указывает мне кивком на Изумрудные ворота.

– Как тебе хорошо известно, мы преодолеем эти ворота, когда спасем хотя бы одного человека, – напоминаю ему я.

Длинные пальцы Рауля шевелятся в воздухе.

– Ты еще не понял? Все наши клиенты – слабоумные, они никогда не разовьются.

19. Зародыш Жак. Месяц до рождения

Я нервничаю. Возясь в материнской утробе, я путаюсь в пуповине. Она обвивается вокруг моей шеи, я вторично переживаю драму повешения. Меня охватывает паника, но мне удается застыть. Перестав барахтаться, я умудряюсь освободиться.

20. Зародыш Венера. Месяц до рождения

У амниотической жидкости горький вкус. Что происходит?

– Эй, близнец! Возникла проблема. Ты что, спишь?

Близнец отвечает не сразу:

– Просто я устал, очень устал... У меня чувство опустошения.

Я силюсь понять, что творится, потому что лично я вкушаю пленительный нектар, полный ума, сладости и ласки. Меня осеняет:

– Я поглощаю твою энергию!

– То-то и оно, – бормочет он. – Знакомое явление. – Ему трудно разговаривать.

– Мы с тобой взаимозависимая пара. Я знаю, что говорю: в прошлой жизни я был акушером и кое-что еще помню.

– Объясни!

– В общем, мы создали сочленение, отводящий сосудик, связывающий нас напрямую, независимо от органов нашей матери. Как он ни мал, по нему происходит обмен нашими жидкостями. Поэтому мы так хорошо ладим. Но по той же самой причине один из нас, конкретно ты, не может не эксплуатировать другого. Если нас не извлекут отсюда в ближайшие дни, ты вскоре полностью меня высосешь.

Я содрогаюсь:

– И?...

– И я умру.

Он утомленно умолкает, но я настаиваю:

– Они там, снаружи, в курсе дела?

Он отвечает не сразу:

– Скорее всего, они знают, что нас двое, но им неизвестно, что ты меня высасываешь. Кстати, вчера нам обоим присвоили имена. Ты спала, но я все слышал. Тебя зовут Венера, меня – Джордж. Привет, Венера!

– Ну, привет, Джордж!..

Я в ужасе принимаюсь барабанить:

– Эй, вы там, снаружи, сделайте что-нибудь! Спровоцируйте роды. Джордж при смерти!

Я изо всех сил болтаю ногами. Он меня успокаивает:

– Брось, слишком поздно. Я продолжу жить благодаря тебе. Я навсегда останусь в тебе, моя Венера.

21. Зародыш Игорь. Месяц до родов

Я не сплю, а всего лишь дремлю. Мама плачет. Она разговаривает сама с собой и пьет много водки. Она так пьяна, что и я слегка хмелею. Думаю, мама задумала меня отравить. Но мой организм привыкает и развивает собственную сопротивляемость. Спиртное меня не берет.

Нет, мамочка, не на того напала. Я намерен родиться. Рождение станет моей мезтью.

Жестокий удар. Я падаю ничком и расплющиваю лицо. Что творится? До меня доносится ее бормотание: «Я с тобой справлюсь. Ты подохнешь, я своего добьюсь».

Новый удар.

Я стараюсь понять, что происходит снаружи, и, кажется, догадываюсь. Она упала на пол, плюхнулась на живот, чтобы меня раздавить!

Я цепляюсь за стенки матки. Она понимает, что цель не достигнута, и временно отступает.

Я готовлюсь к следующему нападению. Чего мне ждать теперь? Вязальной иглы. Держись крепче, Игорек! Снаружи, должно быть, хорошая погода...

22. Загадка Семерки

Рауль подводит меня к старушке-ангелу. Я узнаю ее, потому что видел ее фотографии в газетах: это мать Тереза.

– На Земле она всех ослепляла своим великодушием. Она была настоящей святой среди святых. Неважно, теперь у нее уже четвертая серия клиентов, и она раз за разом садится в калошу. Что ж, если даже у матери Терезы не получается стать Семеркой, значит, это вообще никому не по плечу.

Видно, что старушка смущена своими шарами и испуганно причитает, как будто обварилась, сварив яйца и попытавшись вынуть их из кастрюльки.

– По словам Эдмонда Уэллса, в жизни встречаются только такие проблемы, которые ты готов решать.

Рауль напускает на себя пренебрежительно-гордый вид:

– Ты вообразил, что все понял? Ну нет, мы не располагаем даже знанием, которое позволило бы нам измерить глубину нашего невежества.

– Желтый мир познания снабдил меня ответами на вопросы, которые я себе задавал, когда был смертным человеком. Эдмонд Уэллс научил меня, что смысл развития сознания таится в индийских цифрах. Это все, что надо понять.

– Ты считаешь? Раньше мы были танатонавтами, одухотворенными людьми, Пятерками. Сейчас мы ангелы, Шестерки. Следующий этап – превращение в Семерки. Но что

это такое – Семерка?

– Семерка – это существо, набравшее 700 баллов, – высказываю я предположение.

Не будь я нематериальным, Рауль наверняка тряхнул бы меня, как грушу.

– А конкретно, что такое Семерка? Суперангел? Другая сущность? Если приглядеться и уловить разницу между беднягами Пятерками и нами, Шестерками, то, как мне представляется, появится почва, чтобы задаться вопросом, кто же такие Семерки.

Напрасно мой друг так волнуется, я как был осторожен, так и остаюсь. По-моему, он витает в облаках.

– Быть Семеркой – это, наверное, грандиозно. Я перерыл кучу текстов. В них написано, что над ангелами реют херувимы и серафимы. Речь о том, кто над кем властвует, кто восседает на троне. Лично мое мнение такое: выше ангелов находится категория... – И он договаривает шепотом, как будто боится, что его подслушают: – Богов.

Узнаю старого друга, всегда выдвигающего самые головокружительные гипотезы.

– Почему ты говоришь «боги», а не «Бог»?

Видно, что он много об этом размышлял.

– На древнееврейском Бог – «Эль», но в текстах пишут «Элохим», а это множественное число.

Мы делаем вид, что шагаем, перебирая ногами по псевдоповерхности, как делали раньше, на Земле.

– Ты обсуждал это с другими ангелами? Что они об этом думают?

– В этом вопросе ангелы ничем не отличаются от смертных. Половина верит в Бога. Треть – атеисты, неверующие. Есть еще четверть агностиков, соглашающихся, как и мы, что не знают, существует ли Бог.

– Половина, треть и четверть – это перебор, несколько больше единицы.

– Штука в том, что у некоторых сосуществуют или меняют одна другую две точки зрения, – соглашается мой друг.

И резюмирует:

– 4 – это люди, 5 – мудрецы, 6 – ангелы, 7 – боги. Вроде бы логично?

Я не тороплюсь с ответом. Смертным неведомо, существует ли Бог, они не располагают никакими доказательствами, поэтому лучшая рекомендация для них – скромность.

Для прежнего Мишеля Пинсона, то есть для меня земного, позиция честного человека состояла именно в агностицизме, от *agnostos* – «без уверенности». На мой взгляд, агностицизм полностью совпадает с прославленным пари Блеза Паскаля, считавшего правильным ставить на существование Бога. Живя на Земле, я соглашался, что имеется один шанс из двух, что есть жизнь после смерти, один шанс из двух, что ангелы – это реальность, один шанс из двух, что существует рай. Приключение танатонавтов показало, что я не ошибался. Тогда я не считал необходимым повышать или уменьшать

оправданность веры в Бога. Для меня Он оставался гипотезой с 50 %-ной вероятностью.

Рауль продолжает:

– Здесь поговаривают о спущенной «сверху» директиве: хватит чудес, мессий, пророков, новых обретенных в откровениях верований. Кто наделен властью и видением во времени, чтобы принять такое решение, если не Бог или Боги?

Рауль доволен тем, как на меня подействовали его рассуждения: я в замешательстве. Уж не в том ли цель моей следующей миссии, чтобы сделаться богом? О таком я не смею и помыслить.

– Я уверен, что эти ворота открываются на Олимп, – безапелляционно сообщает Рауль Разорбак, указывая на Изумрудные врата.

От смущения я кошусь на воображаемые часы, показывающие степень готовности моих яиц.

– Хорошо. Только мне придется отлучиться на Землю, по-присутствовать при рождении моих клиентов, – предупреждаю я.

– Я с тобой.

Час от часу не легче!

– Хочешь побывать вместе со мной на Земле?

– Хочу, – подтверждает он. – Давненько я там не бывал. С тех пор как оставил там в последний раз свои отпечатки.

– Ты ведь знаешь, что возвращение на Землю, помимо этих моментов, находится попросту под запретом.

Рауль исполняет двойное сальто, демонстрируя свое желание расслабиться, для чего лучше всего подходит полет на большое расстояние.

– Запрещать запрещено! Брось, Мишель, тебе ли не знать, что я был и остаюсь бунтарем!

Выпрямившись передо мной и придав своему лицу ангельское выражение, он цитирует по памяти отрывок из четвертого тома «Энциклопедии Относительного и Абсолютного Знания» Эдмонда Уэллса, который выучил наизусть.

23. Энциклопедия

ТРАНСГРЕССОР. Общество нуждается в нарушителях правил, трансгрессорах. Для того оно и устанавливает правила, чтобы через них переступали. Если все до одного следуют действующим правилам и нормам – учатся в школе, трудятся, исполняют гражданский долг, являются послушными потребителями, – то общество погрязает в «нормальности» и бездействии.

Опознанные трансгрессоры осуждаются и изгоняются, но по мере развития общество учится потихоньку выделять яды, чтобы в нем развивались антитела. Так оно приобретает навык перепрыгивания через регулярно возникающие препятствия.

Как трансгрессоры ни необходимы, их раз за разом приносят в жертву. На них постоянно нападают, их оплевывают, но позже другие «не такие, как все», «псевдотрансгрессоры», следуют их путем, им уже легче, потому что общество успело переварить, обезвредить и даже кодифицировать их предшественников. Плоды изобретения трансгрессии достаются не тем, кто этого достоин.

Но не будем заблуждаться. Даже если «псевдотрансгрессоры» добиваются славы, их единственный талант должен был бы состоять в том, чтобы выявлять первых, истинных трансгрессоров. Но тех, увы, забывают, и они умирают в уве-

ренности, что слишком забежали вперед и остались непонятыми.

Эдмонд Уэллс,
Энциклопедия Относительного и Абсолютного Знания, том IV.

24. Снова на Земле

Наш путь лежит через Сапфиновые ворота цвета морской волны.

Осторожно, чтобы остаться незамеченными для архангелов, мы окунаемся в Стикс и плывем по течению. Так мы преодолеваем все семь территорий континента мертвых, выбираемся из центрального конуса, погружаемся в темное пространство и летим к Земле. Ангел летит быстрее мертвеца. Мне кажется, что я несусь со скоростью, близкой к световой. Вскоре мы начинаем различать вдали нашу родную планету. Мы вонзаемся в ее атмосферу вместе с метеоритной мелочью, сторающей в ее плотных слоях, – это то, что называется падающими звездами.

Мы продолжаем снижение. Минуем самолет с любителями испытать невесомость. Рауль пользуется этой возможностью, чтобы зависнуть перед одним из таких смертных, не способным его разглядеть, и смеха ради то разгоняется раза в два, то тормозит. Я прошу его перестать ребячиться: у меня вот-вот проклюнется одно из яиц.

Мы приземляемся где-то на равнине Тосканы.

Ностальгия. Мы чувствуем себя примерно так, как чувствовали себя первые астронавты после завершения полета. Разница в том, что теперь для нас «дома» значит не «здесь, внизу», а «там, наверху»... У меня впечатление, что я стал

чужим в родном краю.

Рауль показывает мне знаками, что нельзя терять времени. Мы торопимся в Перпиньян, в больницу, где меня ждет мой первый клиент, Жак Немрод.

25. Рождение Жака

Итак, мне вот-вот предстоит родиться.

Первое, что я вижу, – ослепительный свет в глубине тоннеля.

Меня теребят, тянут.

Вспоминаю свою прошлую жизнь, в которой я был индейцем племени пуэбло, вздернутым на виселицу золотоискателями. Тогда моей последней мыслью было: «У них нет права убивать меня вот так, отрывая мои ноги от земли...» Повешение есть повешение: я задохнулся. И продолжаю задыхаться.

Скорее! Рауль подсказывает: медлить нельзя. Он объясняет, как быть: запечатлеть на лице клиента «ангельский поцелуй».

В моем сознании отпечатываются картины безжалостной бойни. Наши стрелы бессильны против их пуль, наши луки – против их ружей. Лагерь объят огнем. Меня ловят, первым делом отхватывают мне мошонку, потом накидывают на шею веревку.

Жак находится под воздействием смертельного шока. Он весь на нервах. Я шепчу ему: «Тихо, забудь о прошлом». Рауль приказывает мне нанести ему на личико ангельский

знак. Как это сделать? Он показывает: прикоснуться кончиком указательного пальца к лицу между носом и верхней губой, как если бы я хотел принудить его к молчанию.

Я так и делаю. Под крохотными ноздрями появляется ямочка.

Жак успокаивается.

Мне невдомек, что произошло только что. Таинство? Во всяком случае, я полностью забыл свое прошлое существование. Знаю, что должен что-то помнить, непонятно только о чем. Кстати, сколько раз я существовал раньше? Всего один? Вряд ли.

Итак, сейчас мне предстоит родиться.

Меня тянут к свету. Я слышу крики.

Моя мать.

Слышу властный голос:

– Тужьтесь, мадам. Вот так, не спешите... Дышите по-собачьи.

Моя мать принимается кряхтеть.

Другой голос:

– Это тянется уже не один час. Ребенок идет плохо. Придется прибегнуть к кесареву...

– Нет-нет, – говорит моя мать, – только не это. Я сама. Я справлюсь.

Она снова тужится. Меня тащат за собой плещущие во-

круг волны. Я медленно продвигаюсь в узком тоннеле из темной плоти, скольжу ногами вперед на ослепительный свет. Пальцам ног ужасно холодно. Хочется снова спрятаться в тепло, но руки в резиновых перчатках хватают меня и волокут на мороз.

Мои ступни, а затем и колени уже вылезают наружу; потом ягодицы, потом живот. Меня тянут дальше. Под защитой остаются только руки и голова. Остальное тело отчаянно дрожит. Меня тянут все настойчивее, но я зацепился подбородком и упираюсь.

– Ничего не получится, он не выходит, – сообщает акушер.

– Выходит, выходит... – лепечет моя мать.

– Нужно небольшое рассечение, – советует голос.

– А без этого никак? – спрашивает моя мать без всякого воодушевления.

– Как бы не повредить ему голову, если продолжить тянуть, – отвечают ей.

Еще на мгновение мое тело остается на холоде, а голова в тепле, уши зажаты руками. Потом рядом с моим подбородком появляется лезвие. Ткани рвутся, напряжение вокруг меня спадает. Меня в последний раз дергают за ноги, и теперь моя голова выскакивает наружу.

Я открываю глаза. Свет буравит мне голову. Я торопливо сжимаю веки.

Меня хватают, я не успеваю понять, что со мной вытво-

ряют. Меня держат за ноги и переворачивают вниз головой. Ой-ой-ой! Хватит так со мной обращаться! Я кричу от злости, они тоже кричат.

Ну и ну! Рождение точно западет мне в память. Я ору во всю глотку. Похоже, им это доставляет удовольствие. Все хохочут. Они надо мной насмеваются? Я полон сомнений и горько реву. Они знай себе смеются, передают меня из рук в руки. Что за баловство, что я им, игрушка? Кто-то теревит меня за пипку и говорит:

– Это мальчик.

Объективно, с ангельской точки зрения, он довольно уродлив... Рауль разглядывает новорожденного и в своей прежней манере покатывается со смеху.

– Да уж, невзрачное изделие!

– Думаешь, он станет лучше?

Врач объявляет, что мой клиент весит три кило триста. Рауль несильно хлопает меня по спине, как будто меня есть с чем поздравить.

– Все новорожденные выходят из матери немного сморщенными. Если прибегнуть к щипцам, получается еще хуже, от щипцов они становятся как вафли.

В общем, я родился.

– Какой милый! – радуются голоса, но мне все эти слова непонятны.

На этой планете принято орать. Они что, не умеют общаться шепотом? Здесь всего перебор: света, сквозняков, шума, запахов. Мне совершенно не нравится это место. Можно мне вернуться туда, откуда я явился? Но мое мнение никому не интересно. Все заняты непонятными мне обсуждениями – кажется, это для них важнее всего.

– Как вы назовете вашего мальчика?

– Жаком.

Галдежу нет конца. К моему дрожащему тельцу приближаются ножницы. На помощь! Ножницы – ужас, какие ледяные! – перерезают пуповину.

26. Рождение Венеры

Я помню свое прошлое существование. Я была очень богатым и очень могущественным китайским торговцем. Слуги носили меня в паланкине. Однажды на нас напали разбойники, всех пленили, заставили меня вырыть себе могилу и столкнули туда. Я умолял: забирайте все добро, только жизнь сохраните! Они столкнули ко мне в могилу одну из моих служанок: «Забирай, будет с кем позабавиться». Нас завалили землей. Земля забила мне глаза. Служанка задохнулась первой, я тоже почувствовал, что жизнь меня покидает. Я пытался выбраться, разгребая землю, но слишком был толст и неуклюж, чтобы добиться цели. Не надо было чревоугодничать на ночь глядя...

Я задыхаюсь. Ненавижу этот ужасный плен! Открываю глаза. В свою бытность китайским торговцем я умер в черноватом мире. Сейчас, открывая глаза, убеждаюсь, что мир вокруг меня имеет красноватый оттенок. Я нахожусь в угнетенном состоянии. Ко мне опять прижат труп.

Это Джордж, мой брат-близнец. Я, не желая того, его убила.

Я задыхаюсь и хочу отсюда выйти. Воздуху, воздуху! Я бьюсь, копошусь. Сегодня мое тело не такое тяжелое. Я стучу, колочу, жестикулирую. Обязательно рядом есть кто-то, кто поможет мне выбраться.

Теперь мы находимся у изголовья Венеры.

В ее сознании что-то происходит не так, как надо. Я пытаюсь проникнуть в душу младенца и убеждаюсь, что мне это не под силу. Здесь проведен предел нашей ангельской работе. Чтение мыслей наших клиентов нам не по плечу.

Наверное, ее мучает прошлое. Я тороплюсь оставить на ней отпечаток, но она вся дрожит, все время крутится, поэтому с наложением печати выходит промашка.

– У нее приступ клаустрофобии, – ставит диагноз Рауль.

– Уже?

– Конечно. Память о прошлой смерти порой оставляет следы. Для нее невыносимо находиться в замкнутом пространстве. На отпечаток у нас нет времени. Скорее, необходимо действовать!

Я подсказываю врачу-акушере догадку о необходимости кесарева сечения.

Свет. Наконец-то свобода! Пара рук освобождает меня из тюрьмы, но ко мне все еще что-то прикреплено.

Это трупик Джорджа! Он обнимает меня, как будто не желает расставаться. Какая мерзость! Я умерла как мужчина с женским трупом в руках и рождаюсь как женщина, отягощенная мужским трупом.

Медсестры, вооружившись крохотными щипчиками, отрывают от меня пальчики Джорджа по одному.

– Тсс! Забудь прошлое.

Лишь только ее тельце оказывается в воздухе, я ставлю у нее над верхней губой ангельский отпечаток. Врачи слишком заняты проблемой отделения Джорджа и не смотрят на Венерину мордашку, иначе они заметили бы, что у нее под носом откуда-то взялась ямочка.

27. Рождение Игоря

Итак, сейчас я появлюсь на свет.

Помнится, раньше я был астронавтом. Мне запомнилось мое отчаяние.

Теперь мы находимся рядом с Игорем. Он тоже нервничает, потому что прокручивает в памяти свою прошлую жизнь с ее психологическими травмами. Я спешу скорее поставить ему ангельский знак. «Тсс, забудь прошлое». Но он отказывается униматься. Я усиливаю нажим – что ж, его отметина будет глубже. Он, наконец, немного успокаивается.

Моя мать рухнула прямо на улице. С тех пор как она махнула рукой на свои симптомы, это было ожидаемо. Приступы тошноты, головокружения. И всякий раз она наказывала ударами меня. Как будто я был виноват в ее мучениях!

В этот раз у нее отошли воды. Я остался сухим, а она вдобавок потеряла сознание.

Собрались люди, поднялся крик, кто-то сказал, что женщина, должно быть, беременна. Кто-то еще стал кричать, что надо срочно везти ее в больницу.

– Мне уже лучше, – сообщает доброхотам моя мама, придя в себя. – Выпила лишнего, только и всего.

Но ее, к счастью, не стали слушать.

До больницы далеко. Машина едет быстро, о чем свиде-

тельствует тряска.

– Дышите медленно, – советует женский голос.

– Ерунда, я хочу домой, – повторяет мама.

Я уже задыхаюсь. Если я умру – а смерть уже близко, – то она выиграет. Начинаются схватки – пришло время. Хозяйка машины – я знаю, что их двое, потому что слышу то женский, то мужской голос, – паникуют, машина уже не едет, а летит. Тряска усиливается, схватки тоже. Я занимаю стартовую позицию.

НУ ЖЕ! Я ГОТОВ.

– Я понятия не имею, как это делается! – причитает мужчина. – Я никогда не принимал роды, я же пекарь!

– А ты представь, что достаешь из печи хлеб, дурья башка!

– Он погибнет, погибнет! – убивается он.

А меня он спросил? Как ни враждебна моя родительница, как ни безруки эти двое, у меня есть воля выжить, и я выживу.

Мне сюда: здесь выход.

Я полностью высовываю голову. Самое трудное позади. Я открываю глаза и больше ничего не вижу: все расплывается.

– Заверни его в свою куртку! – распоряжается женщина.

Что ж, я выдержал главное испытание – родился. Дальше будет легче.

– Я боялся, что ничего не выйдет. Не знал, что роды – такая суровая штука.

– Зато они быстро забываются, – подбадривает меня Рауль. – Как ты видел, я правильно поступил, что примчался. Необходимо было подействовать на других водителей и не дать машине попасть в аварию.

– Они такие трогательные...

– Брось, это сущие чудовища! Кошмар только начинается. А теперь тебе откроется худшее.

– Что еще?

У Рауля сокрушенный вид.

– СВОБОДА ВОЛИ! Свобода воли людей – это их право самим выбирать жизненный путь. Включая право на ошибку. Право провоцировать катастрофы, ни перед кем не отчитываясь, не неся никакой ответственности. И уж они дают себе волю... Очень тебя прошу, опасайся двух этих фатальных слов: «свобода воли».

28. Энциклопедия

ВЫНАШИВАНИЕ. У высших млекопитающих время внутриутробного развития плода обычно составляет 18 месяцев. Но маленькому человеку приходится появляться на свет уже в 9 месяцев, уж больно велика у него голова, и позже ему не выйти наружу, учитывая имеющееся в материнском тазу ограниченное пространство. Это как если бы возникло несоответствие в калибре между снарядом и пушечным стволом.

Таким образом, плод рождается не вполне сформировавшимся. Из-за этого девять месяцев внутриутробной жизни приходится продлевать еще девятью месяцами жизни снаружи.

По этой причине первые девять месяцев наружной жизни требуют постоянного присутствия матери. Родителям приходится мастерить что-то вроде воображаемой эмоциональной утробы, в которой новорожденный будет чувствовать себя защищенным и любимым, принимая тот факт, что еще не вполне «готов».

Наконец, через девять месяцев после рождения разражается так называемое «младенческое горе». Младенец осознает, что он и его мама – разные существа. Хуже того: оказывается, окружающий его мир и он сам – не одно и то же. Он приобретает способность узнавать себя в зеркале, видеть,

что выделяется среди всего окружающего. Это и есть подлинное рождение.

Эдмонд Уэллс,

Энциклопедия Относительного и Абсолютного Знания, том IV.

29. Клиентский сервис

У Сапфировых ворот меня ждет Эдмонд Уэллс. При виде Рауля он слегка кривится, понимая, что этот своенравный ангел сопровождал меня на Земле. Но, не будучи его ангелом-инструктором, он ведет себя сдержанно.

– Ну, как прошли крестины? – равнодушно осведомляется он.

– Как по маслу!

Эдмонд Уэллс приглашает меня в юго-западную зону. Вокруг нас парами, с глазу на глаз, общаются другие ангелы, трепещущие, как стрекозы, своими крыльями. Мой наставник раскидывает руки и резко сворачивает влево, я следую за ним.

– Пришло время обучить тебя непосредственно ремеслу.

Он присматривает в горах спокойный уголок, и мы приземляемся.

– Ты должен направлять клиентов по верному пути. Каждый следует своей дорогой. Они уже должны были определить себе душевные задачи. Каждый имеет разные конкретные задачи. В очередной жизни они пытаются усовершенствоваться, двигаясь в обозначенном направлении. Ты об этих задачах ничего не знаешь. Можешь, конечно, попробовать угадать, ориентируясь на их поведение, но единственный объективный критерий их развития – это баллы, наби-

раемые потом на Суде. Тот, кто движется в верном направлении, при взвешивании убедится, что его отметка от жизни к жизни повышается. Не забудь, клиент, набирающий 600 баллов, выходит из игры.

– Как мне им помочь?

Он берет меня за руки, поворачивает мои кисти ладонями вверх и вызывает мои светящиеся шарики. На наших прозрачных лицах пляшут три сферических экрана.

– В твоём распоряжении пять рычагов: 1) интуиция, 2) сны, 3) приметы, 4) медиумы, 5) кошки.

Я мотаю на ус, он продолжает:

– Интуиция – ориентирование клиента на то, что он должен делать, но он получает указание в таком ослабленном виде, что едва его замечает.

– Сны?

– Понятно, что велик соблазн непосредственно, через сновидение, подсказать решение проблемы. Но мы не вправе этого делать. Наш путь – направлять в символической форме. Например, если твоему клиенту грозит опасность, то ты внушаешь ему сон, в котором у него выпадают зубы или волосы. Проблема со снами в том, что их либо забывают при пробуждении, либо толкуют наоборот. Чтобы послание не прошло даром, иногда приходится заставлять клиента несколько ночей подряд видеть разные символические сюжеты с одним и тем же информационным ядром. Талантлив ангел, владеющий режиссурой снов. У каждого клиента свой

собственный ссылочный аппарат, который важно применять с достаточным основанием. В этом содержится ответ на вопрос, почему все толстые тома с перечислением символики снов заведомо несостоятельны и бессмысленны.

Он гладит яйцо Венеры.

– Приметы?

– Их действие похоже на интуитивное. Это прямое вмешательство, не всегда приводящее к успеху. В былые времена люди принимали решения, понаблюдав за полетом птиц или взглядевшись в куриные потроха. Сейчас все проще. Ныне мы сами изобретаем приметы. Лай собаки указывает, что не надо идти на лай... Сам понимаешь, о чем говорит отказ заржавевшей двери поворачиваться на петлях...

– Медиумы?

– Этих употреблять с оглядкой. Медиумы – это люди, наделенные способностью слышать ангельские голоса. Но тут есть два подводных камня. Во-первых, порой они понимают нас как-то криво. Во-вторых, они часто используют свой дар, чтобы торжествовать над теми, кто их слушает. Поэтому к их содействию следует прибегать только в отчаянных случаях.

– А... кошки?

– Кошки в большинстве тоже немного медиумы. Их преимущество перед людьми в том, что они не извлекают из своих способностей ни власти, ни денег. Их коренной изъян – безъязыкость, то есть неспособность давать прямые предупреждения.

Я шевелю мозгами. Мои возможности вмешательства слишком скромны, чтобы бороться с призраком свободы воли.

– Как насчет других рычагов?

Эдмонд Уэллс поглаживает шарик Игоря.

– При умелом применении даже эти пять рычагов позволяют добиваться неплохих результатов.

Я довольно потягиваюсь.

– Превосходно, я всегда мечтал управлять людьми. Настоящие мужчины, настоящая женщина – это гораздо увлекательнее, чем видеоигры, где требуется оставить персонажа в живых в самых враждебных условиях.

– Осторожно, у тебя нет права на своеволие. Ты в долгу перед своими клиентами. Ты обязан исполнять их желания, причем все без исключения.

– Даже те, что противоречат их интересам?

– В этом заключена огромная привилегия их пятидесятипроцентной свободной воли. Ее запрещено касаться. Изволь уважать даже самые нелепые их желания.

Прав был Рауль: наш враг – не дьявол, не какой-то небесный злодей. Наш враг – человеческая свобода воли.

30. Жак, 1 год

Я живу детской жизнью.

Не люблю, когда родители хватают меня под локти. Мне другое нравится: когда они сажают меня себе на ладони.

Папа часто подбрасывает меня в воздух, при этом есть риск, что я врежусь в потолок. Меня это пугает. Почему папы считают своей обязанностью подбрасывать детей как можно выше?

Меня все тревожит. Хочется залезть под одеяло, чтобы меня оставили в покое.

Мне представили девочку, сказав, что это моя сестра. Похоже, она рада меня видеть, потому что все время сует мне в рот всякую всячину со словами: «Давай, малыш, кушай!» Она сажает меня в свою кукольную коляску и всюду носит с криком: «Малыш грязный! Надо его искупать, промыть ему глазки!»

Не одна она мнит себя здесь моей сестрой. Есть и другие девчонки, тоже вызывающие у меня интерес, но потенциально опасные. Некоторые осыпают меня поцелуями, другие дергают за волосы, суют мне соску, щекочут.

Как выяснилось, в семье имеется также кот, самое безмятежное создание в доме. Он такой же пушистый и приятный на ощупь, как мои плюшевые игрушки, а еще он издает низкое урчание – вот этот звук мне нравится.

Сестры стараются научить меня ходить. Разок я уже упал, и память о синяках заставляет меня недоверчиво относиться к новым попыткам. Прямая стойка вызывает у меня тревогу, лучше оставаться на четвереньках: не так высоко падать.

Помимо кота, в доме внушают доверие горшок и телевизор. Когда я сижу на горшке, меня никто не смеет тревожить. В телевизоре, наоборот, непрерывное движение, а еще он урчит, как кошка.

По телевизору постоянно показывают разные истории. Обожаю их, они помогают мне забыть мои тревоги.

31. Венера, 1 год

Я засыпана поцелуями, я – объект неусыпного внимания. Мать твердит мне, что я самая красивая девочка на свете. Я видела себя в зеркале и согласна, что я очаровательна. У меня длинные иссиня-черные волосы, кожа медового цвета, нежная и мягкая, как шелк, светло-зеленые глаза. Говорят, что, когда я родилась, меня, в отличие от других новорожденных, не пришлось разминать. Мама объясняет, что это потому, что я выскочила прямо из ее живота, без дополнительных ухищрений.

Еще мне представили пожилого господина, маминого отца. Его называют «деда». Деда осыпает меня мокрыми поцелуями. Терпеть не могу мокрые поцелуи. Чтобы так распускать слюни, он должен сильно соскучиться по нежности.

По вечерам я требую включать у моей кроватки ночник – боюсь темноты. В темноте мне кажется, что под кроваткой прячется злодей, задумавший схватить меня за ноги и уволочь неведомо куда.

Еще я не терплю, когда меня заворачивают в одеяло. Хочу, чтобы ноги оставались свободными. Иначе я нервничаю, и как! И потом, если сидящее под кроватью чудище найдет меня плотно завернутой, то мне не спастись.

Едок из меня никакой: мне подавай только мягонькое да сладенькое. И при этом красивое, вот так.

32. Игорь, 1 год

Я должен выжить, несмотря на все старания моей матери.

Я уворачиваюсь от нее в ванне, где она пытается меня утопить. В кровати, где она силится задушить меня подушкой.

Я умею быть скользким.

Умею предвидеть и предотвращать опасность.

Научился просыпаться ночью при малейшем проблеске света.

Научился, спасибо тончайшему слуху, улавливать, когда она внезапно вырастает у меня за спиной.

Я уже не по возрасту проворный.

Я быстро учусь ходить.

Чтобы вовремя убегать.

33. Энциклопедия

МАТЕРИНСКИЙ ИНСТИНКТ. Многие считают материнскую любовь естественным и автоматическим человеческим чувством. Но это совершенно не так. До конца XIX века большинство женщин из числа западной буржуазии отдавали своих детей кормилицам и больше ими не занимались.

Не более внимательными к своему потомству были крестьянки. Они туго пеленали младенцев и вешали их на стену недалеко от очага, чтобы не мерзли.

Младенческая смертность была очень высокой, родители были фаталистами, зная, что есть только один шанс из двух, что их дети доживут до подросткового возраста.

Только в начале XX века власти осознали экономическое, социальное и военное значение пресловутого «материнского инстинкта». Особенно четко проявилось его значение при переписях населения, когда выяснилось, как много детей недоедает, подвергается дурному обращению, даже побоям. Это уже представляло угрозу для будущего страны. Получили развитие информация, профилактика. Прогресс детской медицины мало-помалу привел к тому, что родительские вложения в детей приобрели эффективность: страх рано их лишиться ушел в прошлое. На повестке дня оказался «материнский инстинкт».

Постепенно сформировался новый рынок: ползунки, под-

гузники, соски, детское питание, детская посуда, игрушки. Приобрел всемирную популярность миф о Деде Морозе.

Производители детских товаров сформировали посредством массивной рекламы стереотип ответственных матерей, и счастье ребенка стало современным идеалом. Парадокс в том, что как раз тогда, когда торжествует и цветет материнская любовь, превращаясь в обществе в единственное неоспоримое чувство, дети, становясь взрослыми, постоянно упрекают матерей в недостаточном к ним внимании. Позднее, уже на кушетке психоаналитика, они изливают свои претензии и обиды на женщину, которая произвела их на свет.

Эдмонд Уэллс,

Энциклопедия Относительного и Абсолютного Знания, том IV.

34. Верхний мир

При помощи шариков я рассматриваю своих клиентов под всеми углами, как если бы в моем распоряжении было два десятка камер. Стоит мне об этом подумать, как появляется панорамный вид, широкие и групповые планы, приближение. Камеры вертятся вокруг клиентов, не упуская из виду второстепенных персонажей, статистов, все окружающее. Мне подчиняются не только углы съемки, но и освещенность. Я вижу своих героев, даже когда они тонут во тьме или попадают под проливной дождь. Я могу проникать в их тела, следить, как бьется сердце, как переваривает пищу желудок. От меня спрятаны только их мысли.

Рауль не разделяет моего энтузиазма.

– Сначала я тоже был на седьмом небе. Но в конечном счете осознал свое бессилие.

Он всматривается в шарик Игоря.

– Гм, все это не очень красиво...

Я вздыхаю:

– Я переживаю за Игоря. Мать рано или поздно его убьет.

– Ненависть матери к сыну... – тянет Рауль. – Тебе это ничего не напоминает?

Я тщетно ломаю голову.

– Феликс! – подсказывает он.

Я вздрагиваю. Феликс Кербоз, наш первый танатонавт! Его тоже ненавидела мать. Я новыми глазами смотрю на карму Игоря и соглашаюсь, что этот мой русский – настоящее перевоплощение бывшего нашего соратника, пионера танатонавтики.

– Как такое может быть?

Рауль Разорбак пожимает плечами:

– В то время термин «танатонавт» еще не успел прижиться. Ангельский суд причислил Феликса к «астронавтам».

Я вспоминаю немного простоватого парня: стремясь поскорее выйти из тюрьмы, он соглашался, чтобы на нем тестировали опасные медикаменты; ему посулили освобождение, и он вызвался участвовать в танатонавтическом полете. Так он первым попал на континент мертвецов и первым оттуда вернулся. По-моему, это перебор: в предыдущей жизни он уже был награжден матерью-ненавистницей, надо же ему было отхватить в новом существовании еще более мерзкую родительницу!

Рауль уверяет меня, что это в порядке вещей. Если проблема не нашла решения в одной жизни, она автоматически переносится в следующую.

Душе Феликса Кербоза не удалось ни возвыситься над матерью, ни понять ее, поэтому она попытается достичь этого в новой жизни, в теле Игоря Чехова. Без сомнения, это решение Семерок, «верхних людей», или «богов». Если он снова не решит свою проблему с матерью, страшно подумать, ка-

кой мачехой-злодейкой его наградят в очередной жизни...

Я морщу лоб:

– Даже не знаю, что может быть хуже матери Игоря...

Рауль Разорбак усмехается:

– Советую положиться на «верхних людей». У них богатое воображение по части изобретения новых испытаний для людей. Следующий аватар Игоря-Феликса может столкнуться с нежной и любящей матушкой – невыносимой собственницей, способной удушить его своей ревнивой любовью.

– Прямо какое-то кармическое остервенение!

Физиономия моего друга сморщивается, пальцы сжимаются и разжимаются, как тиски.

– Вижу, ты начинаешь понимать. Все происходит так, словно там, наверху, намерены колотить наших клиентов по голове до тех пор, пока они не прореагируют. Там решили, что, только очутившись на дне бассейна, человек оттолкнется и всплывет. Мне неизвестно, кто эти «боги», но я совершенно не уверен, что их цель – благо человечества.

– Как же мне ему помочь?

Рауль Разорбак сжимает кулаки.

– Увы, почти никак! Мы – пехота армии света. Мы первыми становимся свидетелями бедствия, но решения принимают старшие по званию, тыловые крысы... Их мотивы нам неведомы.

Я вдруг чувствую, что бессилён. Рауль яростно меня трясёт:

– Потому мы и должны во что бы то ни стало узнать, кто эти командиры и из чего они исходят. Кто эти Семерки, кто эти «боги», использующие по своей прихоти и нас, ангелов, и их, смертных!

Впервые – не иначе как из-за отчаянного положения Игоря – я прислушиваюсь к доводам своего безрассудного друга. Но при этом я еще не чувствую готовности нарушить законы ангельской страны.

35. Жак, 2 года

Сегодня родителей нет дома, кормилица вышла на балкон покурить и поболтать по телефону. Путь свободен. Курс на кухню. Это волшебное место, мне всегда хотелось как следует его разглядеть. Там куча мигающих огоньков – белых, красных, даже зеленых. Там пахнет горячим сахаром, молоком, растопленным шоколадом, витает соленый дымок. В такие дни я беспрестанно принимаюсь. Теперь я к тому же становлюсь мастером по лазанью.

Ну-ка, что там, наверху?

Мне везет, рядом с плитой стоит табурет. Я могу залезть на него и уцепиться за край плиты.

Жак вот-вот обварится, потянув за ручку кастрюльку, где варится лапша. Надо его спасти. Я вспоминаю про свои пять рычагов.

Интуиция.

Я пытаюсь достучаться до сознания кормилицы: «Малыш! Малыш на кухне, он в опасности!»

Но дуреха слишком погружена в разговор со своим дружкой.

Тогда я пытаюсь залезть в голову самому малолетнему Жаку, но его череп – все равно что сейф, который не вскрыть.

Приметы и знаки.

За окном щебечут воробьи, чтобы отвлечь несмышлениша. Но Жак так увлечен кастрюлькой, что не слышит их щебета.

Медиумы.

Поблизости нет ни одного.

Как же поступить?

Рукоятка длинновата. Приходится тянуться дальше. Все равно доберусь до источника пара и шума!

Кошки.

Ничего другого мне не остается.

На счастье, в этом доме есть кошка. Я подключаюсь к ее мозгу и сразу много чего про нее узнаю. Во-первых, ее зовут Мона Лиза. Удивительное дело: человеческое сознание совершенно недоступно, тогда как кошачье – вот оно, как на ладони!

«Надо спасти мальчугана!» – команду я ей. Проблема в том, что Мона Лиза определенно улавливает мою просьбу, но не выказывает ни малейшего желания ее выполнить. Родившись в этом доме, они ни разу его не покидала. Проводит дни напролет в неподвижности перед телевизором, разжирела и соизволит покидать свое место всего три раза в день, чтобы наестся паштета и этой своей любимой химии, сухого корма.

Она никогда не охотилась, никогда не дралась, даже за дверь квартиры никогда не высовывалась. Знай себе сидит в тепле, уставившись на экран. У нее есть излюбленные телепередачи, особенный интерес она проявляет к игровым программам, участникам которых задают вопросы, вроде «какая столица у Кот-д’Ивуара?».

Кошка обожает, когда человек ошибается или не добирает самую малость до джекпота. Огорчение людей укрепляет ее в удобной мысли, что лучше быть кошкой.

Ее доверие к хозяевам беспредельно. Нет, это что-то более сильное, она считает их не хозяевами, а... своими подданными. Невероятно! Это животное воображает, что миром правят кошки, что это они помыкают двуногими созданиями, обеспечивающими им беспечную жизнь.

«Пошевеливайся, спаси маленького человечка!» – понукаю ее я.

Но она и ухом не ведет.

«Я слишком занята, – отвечает наглое животное. – Не видишь, я смотрю телевизор?»

Я еще глубже впиваюсь в мозг Моны Лизы.

«Если ты не встанешь, мальчуган погибнет».

Она как ни в чем не бывало продолжает себя вылизывать.

«Мне все равно. Они сделают еще. Если на то пошло, этакая куча детей в доме – явный перебор. Шум, беготня! Обязательно начинают делать нам больно, дергая за усы. Терпеть не могу маленьких человечков».

Как принудить зажавшуюся тварь спасти ребенка?

«Послушай, кошка, если ты немедленно не бросишься спасать Жака, я напущу на телевизионную антенну паразитов».

Не знаю, способен я это сделать или нет, главное, что она мне верит. Вижу, она охвачена сомнениями, читаю в ее сознании воспоминания о помехах на экране, вызванных грозой, о «снеге» вместо изображения. Хуже того, ей доводилось переживать поломки в телецентре и даже забастовки телевизионщиков.

Гляди-ка! Привет, киска. Впервые ты решила об меня потереться. Какая ты ласковая, как приятно гладить тебя по шерстке! Лучше поиграть с тобой, чем с этой штуковиной там, на плите.

36. Венера, 2 года

Вчера я долго стояла перед зеркалом и гримасничала. Меня не портят даже гримасы, я все равно себе нравлюсь.

Родители надели на меня непромокаемые трусики из розового атласа и сказали, что в них я могу «писать» и «какать». Не знаю, о чем они. В ответ на мое недоумение мама показывает, что к чему. Я рассматриваю желтую жидкость, нюхаю, морщусь от отвращения. Непонятно, как такое красивое тело, как мое, умудряется выделять такую дурно пахнущую жидкость. Я очень сержусь: это несправедливо! И вообще, щеголять в подгузниках унизительно!

Видимо, писают и какают все люди без исключения. Так, по крайней мере, утверждают мама с папой, но я им не верю. Наверняка эта клевета распространяется не на всех.

У меня болит голова.

У меня часто бывают головные боли.

Случилось что-то важное – я забыла что. И пока не вспомню, голова будет болеть.

37. Игорь, 2 года

Мама хочет меня убить.

Вчера она заперла меня в комнате с широко открытым окном. От ледяного ветра я продрог до костей, но нет худа без добра: у меня развилась устойчивость к холоду. Я выдержал. А куда деваться, когда нет выбора? Знаю, если я заболел, она не станет меня лечить.

«Я тебя не боюсь, мамочка. Я все еще жив. Если ты не наберешься смелости и попросту не пырнешь меня ножом в живот, то, не обессудь, буду жить дальше».

Она меня не слушает. Лежит в постели и посасывает водку.

38. Изумрудные ворота

Мы с Раулем ищем другой путь в мир Семерок. Летим на восток, там возносимся к горной вершине, пытаемся через нее перемахнуть, но утыкаемся в невидимую преграду.

– Что я тебе говорил? Мир ангелов – тюрьма тюрьмой, – угрюмо цедит Рауль.

Перед нами как бы невзначай возникает Эдмонд Уэллс.

– Что это вы тут затеваете? – осведомляется он с усмешкой.

– Довольно с нас этой работенки. Наша задача неосуществима, – выпаливает Рауль, с вызовом уперев руки в боки.

Эдмонд Уэллс понимает, что дела плохи.

– Что об этом думаешь ты, Мишель?

Рауль опережает меня с ответом:

– Наши яйца проклеваются уже сваренными. Нам подсунули беспокойного неуклюжего Жака, поверхностную Венеру, склонную к нарциссизму, и Игоря, которого норовит прикончить родная мать. Те еще подарочки!

Эдмонд Уэллс на моего друга даже не смотрит.

– Я обращаюсь к Мишелю. Что об этом думаешь ты, Мишель?

Я не знаю, что ответить. Мой наставник напирает:

– Ты ведь не испытываешь ностальгии по жизни смертного человека?

Я оказался между двух огней. Эдмонд Уэллс обводит широким жестом горизонт.

– Ты страдал. Тебе было страшно. Ты болел. Теперь ты – чистый дух. Ты свободен от брэнной плоти.

Говоря это, он прожигает меня взглядом.

Рауль пренебрежительно пожимает плечами:

– Мы полностью утратили осязание. Толком сесть и то больше не можем.

Он демонстрирует, как это происходит: падает, как бы пролетая сквозь несуществующее кресло.

– Зато мы больше не стареем, – напоминает Эдмонд Уэллс.

– Мы не замечаем течения времени, – спешит возразить ему Рауль. – Нет больше ни секунд, ни минут, ни часов. Ни ночей, ни дней. Времен года и тех нет.

– Мы вечны.

– Зато у нас больше нет дней рождения!

Обмен доводами ускоряется:

– Мы не ведаем страданий...

– Мы вообще больше ничего не чувствуем.

– Мы общаемся духовно.

– Мы больше не слушаем музыку.

Эдмонд Уэллс не собирается уступать:

– Мы носимся на головокружительных скоростях!

– Но при этом перестали чувствовать на наших лицах ласку ветра.

– Мы непрерывно бодрствуем.

– Зато нам больше не снятся сны!

Мой наставник все еще не прочь переспорить моего друга, но тот тоже не лыком шит:

– Больше никаких удовольствий, никакого секса.

– Зато мы не испытываем боли! – начинает повторяться Эдмонд Уэллс. – В нашем распоряжении доступ к любым знаниям.

– А книги? Нету! В рае даже библиотеки нет...

Этот довод задевает моего наставника за живое.

– Верно, книг у нас нет, зато... зато...

Он роется в памяти. Вот что он оттуда выуживает:

– Просто книги нам ни к чему. Жизнь любого смертного несет в себе захватывающую интригу. Это лучше всех на свете романов, лучше любого кино: наблюдать обыкновенную человеческую жизнь с ее яркими неожиданностями, сюрпризами, тяготами, любовными разочарованиями, успехами и неудачами. Причем все это – ПОДЛИННЫЕ истории!

На это Раулю Разорбаку возразить нечего. Но Эдмонд Уэллс не торопится торжествовать.

– Раньше я был таким, как вы. Я тоже бунтовал.

Он задирает голову, как будто заинтересовался дождевыми облаками. Проявляя уступчивость, он говорит:

– Сейчас я попробую удовлетворить ваше любопытство. Хочу открыть вам один секрет. Идемте.

39. Энциклопедия

РАДОСТЬ. «Долг каждого – культивировать в себе радость». Увы, многие религии забыли этот завет. В большинстве храмов царят тьма и холод. Литургическая музыка помпозна и мрачна. Священники закутаны во все черное. Ритуалы прославляют муки и соревнуются в изображении зверских сцен. Можно подумать, что пытки, выпавшие на долю пророков, доказывают достоверность их житий.

Разве не радость жизни – лучшая благодарность Богу, если Он существует, за то, что существуем мы? И если Он существует, то отчего столь хмур?

Единственные заметные исключения – философско-религиозный трактат «Дао дэ Цзин», предлагающий смеяться над всем, включая себя самого, и госпелы – гимны, которые радостно распевают североамериканские чернокожие на богослужениях и на похоронах.

Эдмонд Уэллс,

Энциклопедия Относительного и Абсолютного Знания, том IV.

40. Игорь, 5 лет

Устав на меня покушаться, мамаша вроде бы отказалась от намерения меня укокошить. Знай себе пьет, грозно на меня косясь. И вдруг швыряет в меня свой стакан. Я вбираю голову в плечи, и стакан, как всегда, с оглушительным звуком разбивается об стену.

– Может, у меня и не выйдет тебя прибить, но долго портить мне жизнь тебе не удастся, – предупреждает она меня.

Мама накидывает куртку и тащит меня за руку, как будто собралась за покупками, но у меня есть подозрение, что она не намерена шнырять по магазинам. Подтверждение не заставляет себя ждать: она оставляет меня – вернее, бросает – на церковной паперти.

– Мама!..

Она удаляется большими шагами, потом вдруг возвращается и швыряет мне золотой медальон. Внутри фотография какого-то усача.

– Это твой отец. Найди его, и дело с концом. Он с радостью тобой займется. Пока!

Я сажусь в мокрый снег. Я должен продолжить жить, иначе никак. Начинается сильный снегопад, меня заметает снегом.

– Что ты здесь делаешь, малыш?

Я поднимаю замерзшую голову и вижу человека в военной

форме.

41. Венера, 5 лет

Днем я рисую, ночью сплю, но беспокойно. Меня одолевают сновидения. Мне снится зверь, запертый у меня в голове и пытающийся вырваться наружу. Это кролик, он прогрызает изнутри мой череп. Не переставая грызть, он твердит одно и то же: «Надо, чтобы ты меня вспомнила!» Я то и дело просыпаюсь от страшной головной боли. Этой ночью боль еще сильнее, чем всегда. Я встаю и иду к маме с папой. Они спят. Как они смеют спать, когда у меня раскалывается голова? Наверное, на самом деле они меня не любят.

Я рисую свою боль, рисую существо, сидящее, кажется, у меня внутри и пожирающее меня заживо.

42. Жак, 5 лет

Мне страшно. Не знаю, откуда берется этот страх. Вчера вечером по телевизору шел так называемый вестерн. От страха и ужаса меня разбил столбняк. Я дрожал всем телом. Вся моя семья очень удивилась.

Сегодня утром прибегают мои сестры, они изображают ковбоев, чтобы меня напугать. Я убегаю в другой конец квартиры. Они ловят меня в гостиной. Тогда я бегу в кухню. Меня ловят и там. Я бегу в ванную. Сестры ловят меня в ванной.

– Сейчас мы тебя оскальпируем! – кричит младшая, Матильда.

Почему, почему она говорит такие злые слова?

Я убегаю в комнату родителей, сестры гонятся за мной. Потом они пытаются меня настигнуть в чулане для стирки, но я проползаю у них под ногами, вскакиваю, бегу. Я в ужасе. Где спрятаться? Меня посещает хорошая идея: в туалете! Я прячусь там. Для пущей безопасности я запираюсь на засов. Они колотят в дверь, но мне не страшно, дверь прочная. В туалете я чувствую себя как в неприступной крепости. Пусть стучат, мне нет до них дела. Внезапно все стихает. Я слышу разговор.

– Что происходит? – спрашивает папа.

– Жак заперся в туалете, – пискляво жалуются мои сестры.

– В туалете? Что ему там понадобилось? – удивляется мой отец.

И тут меня посещает вдохновение. Я произношу фразу, которую часто слышу от папы, когда он, беся маму, желает спокойно посидеть в туалете:

– Я читаю книгу.

За дверью тишина. Я знаю, что у нас дома слово «книга» мгновенно вызывает уважение.

– Может, выломать дверь? – ласково предлагает Матильда.

Напряженное ожидание.

Потом до моего слуха доносится папино ворчание:

– Раз он читает в туалете книгу, оставьте его в покое.

Так мне в голову врезается урок: когда дела совсем плохи, остается запереться в туалете и начать читать книгу.

Я сажусь на унитаз и озираюсь. Справа – стопка газет, выше – специально прибитая папой книжная полочка. Я беру одну из книжек. Страницы усеяны льнущими друг к другу буквами, мне их не расшифровать. Я перебираю другие книги, разглядываю обложки. Мне везет: здесь есть детский альбом с кучей картинок. Эта книга мне знакома, папа читал ее мне перед сном. Это история про великана, угодившего в страну лилипутов, и про лилипута в стране великанов. Кажется, этого человека зовут Гулливер. Глядя на картинки, я пытаюсь расшифровывать буквы и складывать из них слова. Эта задача мне по плечу. Я долго таращусь на великана, свя-

занного толпой маленьких человечков по рукам и ногам.

Когда-нибудь, научившись читать, я надолго запрюсь в туалете и буду читать, читать, пока совсем не забуду обо всем творящемся за дверью.

43. Четыре шара судьбы

Эдмонд Уэллс увлекает нас на северо-восток, в скалистую расселину. Он указывает на проход среди гор, и мы скользим по лабиринту тоннелей, пока не достигаем огромной пещеры, освещенной четырьмя сферами высотой в полсотни метров, парящими в двух метрах над полом.

Вокруг этих подвешенных в воздухе фосфоресцирующих арбузов снуют, как мухи, ангелы-наставники.

– Сюда навеваются только ангелы-наставники, – объясняет наш учитель. – Но раз уж вам позарез понадобилось увидеть то, чего не видят – и, кстати, не стремятся увидеть – все остальные ангелы, то я решил удовлетворить ваше любопытство.

Мы приближаемся к шарам. По размеру они не отличаются, но имеют разное наполнение.

В первом помещается душа минерального мира.

Во втором – растительного.

В третьем – животного.

Четвертый вмещает душу людского мира.

Я подхожу к первому шару. Внутри трепещет мерцающее ядро. Уж не душа ли это Земли, пресловутая Гея, та самая альма-матер, о которой толковали древние?

– Выходит, у Земли есть душа?

– Да. Все живет, и у всего живого есть душа, – подтвер-

ждает Эдмонд Уэллс. И небрежно уточняет: – А все, что наделено душой, желает развиваться.

Я замороженно застываю, любуюсь четырьмя сферами.

– Это правда, что все наделено жизнью? Даже камни?

– Даже горы, ручьи и валуны. Но у них душа низшего уровня. Чтобы ее измерить, достаточно понаблюдать за мерцанием ядра. Понаблюдай – и постигнешь душу.

– Получается, – рассуждаю я, переваривая эту космогонию, – что минерал, находящийся на первой стадии, получает 100 очков, растение – 200, животное – 300, человек – 400.

– Измерь сам!

Я различаю душу Земли. Ее оценка – никак не 100 баллов, а гораздо выше, все... 163! Вторая сфера – со всеми лесами, полями, цветами – набирает не 200 баллов, а целых 236. Сфера животного царства тянет на 302. А человечество – всего на 333.

– Как же так? – удивляюсь я. – Человечество не набирает даже 400 баллов?

– То-то и оно, – кивает Эдмонд Уэллс. – А я что говорил? В этом и состоит весь смысл наших трудов: постараться помочь людям, чтобы они стали, наконец, настоящими людьми. Истинными Четверками. Но, как ты сам убеждаешься, люди не добираются до назначенного им места. Они еще не достигли даже середины расстояния между животной стадией 3 и мудростью 5. «Недостающее звено» – это про них. Как же мне смешно читать рассуждения Ницше о «сверхчеловеке»!

Им бы сначала дотянуть до обычных людей!

Я почти вплотную подхожу к сфере человечества и вглядываюсь в шесть миллиардов шариков, каждый со своим мерцающим ядрышком.

Рауль Разорбак помалкивает, но я догадываюсь, что и он изрядно впечатлен разглядыванием этого скопища человеческих душ.

Стоя рядом с шаром, Эдмонд Уэллс объясняет:

– Перед вами вся ваша клиентура. Здесь разыгрывается сокровенная суть партии. Я считаю, что если человечество не уничтожит само себя в ближайшие столетия, то будет состоять из подлинных людей, настоящих Четверок. Но нам, ангелам, предстоит еще много поработать, чтобы поднять людей до этого уровня.

Наставник строит в наших умах график. Да он оптимист! У него человечество прогрессирует по экспоненте. Благодаря современным средствам сообщения и количеству путешествий, глобальной коммуникации, распространению культуры в планетарном масштабе, прогрессу доступных СМИ все быстрее наращивают влияние мудрецы (они же Пятерки).

– Полюбуйтесь, как жили люди раньше и как они живут теперь. Когда-то они боялись хищников, а теперь хищники сидят взаперти у них в зоопарках. Страшась голода, люди были вынуждены гнуть спину на тяжелых работах. Теперь эти функции переданы роботам и компьютерам. Человек имеет все больше свободного времени, чтобы думать. А когда че-

ловек думает, он задает вопросы.

Никогда еще шансы на резкий взлет человеческого сознания не были так велики, как на заре третьего тысячелетия. Когда-то, например в Древней Греции, ценились только «граждане», то есть свободные или освобожденные. Чужестранцами и рабами пренебрегали. Но со временем, потихоньку-полегоньку, права считаться людьми появились и у всех этих «маргиналов».

44. Энциклопедия

ТОЛЕРАНТНОСТЬ. Всякий раз, когда люди расширяют понятие единообразия, зачисляя в него новые категории, это означает, что те, кого раньше ставили на низшую ступеньку, на самом деле достаточно схожи с нами, чтобы вызывать сочувствие. Новый эволюционный шаг делают не только они, но и все человечество.

Эдмонд Уэллс,

Энциклопедия Относительного и Абсолютного Знания, том IV.

45. Добрые и злые

Шар с людьми... Я понимаю, что сюда возвращаются наши яйца, когда устремляются на северо-восток. Понимаю и то, что такое слияние возможно только при сильном взаимном влиянии и гармонии. Отсюда фраза Эдмонда Уэллса, которой он мне все уши прожужжал: «Достаточно возвышения одной души, чтобы возвысилось все человечество». Не это ли – та самая «ноосфера» Тейяра де Шардена, где перемешивается сознание всех людей?

– Если мы, ангелы, палец о палец не ударим, смогут ли они развиваться сами по себе? – неожиданно спрашивает Рауль.

– Мы – пастухи, гонящие стадо в правильном направлении. Но оно и так уже бредет в нужную сторону благодаря прежним действиям ангелов.

– Раз так, то, может, пора предоставить их самим себе?

Эдмонд Уэллс даже не соизволит прореагировать на это замечание. Рауль не отстаёт:

– Каким будет следующий уровень развития у нас самих? Мир Богов?

Эдмонд Уэллс вскидывает брови:

– Вас, молодых ангелов, смешно слушать! Вам вынь да положь все сразу. Никак не избавитесь от прежних человеческих привычек. Внимательно посмотрите на ваши сферы. Вы убедитесь, что там присутствуют все рецидивы замашек

смертных существ, которые все еще вам мешают. Перестаньте задавать ваши человеческие вопросы, ведите себя по-ангельски!

От возмущения наш наставник отворачивается от нас и торопится прочь. Подбегает к матери Терезе и давай ее отчитывать. Насколько я успел понять, среди клиентов матери Терезы фигурирует глава государства, которому она упорно подсказывает повысить налоги на крупные состояния. Эдмонд Уэллс внушает ей, что изводить богатых – не способ сделать счастливее бедных.

Я подкрадываюсь ближе, чтобы лучше слышать.

– Дорогая матушка, ваши рассуждения порой грешат упрощением. Как говаривал один из моих друзей, «одного успеха недостаточно, надо еще получать удовольствие от неудачи других». Он-то шутил, но вы всерьез исходите из подобных побуждений. Вы уверены, что человеку будет проще переносить свою нищету, если его судьбу разделит все человечество целиком? Нет, цель должна состоять, наоборот, в том, чтобы все люди обогатились!

На лице матери Терезы выражение упрямой ученицы, уверенной, что она, вопреки всему, всегда права.

Лично я считаю, что мать Тереза, проведшая всю земную жизнь среди туземцев, склонна воспроизводить свое прежнее окружение, только в нем находя для себя ориентиры. С бедняками она хорошо знакома, с богачами ситуация гораздо сложнее. Святой женщине пришлось бы интересоваться

биржевыми курсами, причудами моды, светскими ужинами, престижными ресторанами, нервными депрессиями, великосветским пьянством, адюльтерами, талассотерапией – словом, всей мирской суетой.

Мать Тереза недовольно выслушивает упреки Эдмонда Уэллса и сообщает:

– Видимо, мне придется подбить моего президента на объявление кампании по сокращению рождаемости в неблагоприятных районах. Рожайте детей, только если можете о них позаботиться, иначе их ждут наркомания и проблемы с законом. Вы этого хотите?

– Старайтесь дальше, – говорит со вздохом Эдмонд Уэллс. – Вы делаете успехи.

Вижу, наш наставник – весьма терпеливый педагог. Он уважает – пускай по-своему – свободную волю ангелов.

Рауль распахивает руки и взлетает. Я следую за ним.

– Эдмонд Уэллс знает, кто такие Семерки. Ему известно, кто парит над нами.

– Нам он ничего не скажет. Ты уже видел, как он реагирует, – говорю я.

– Он и дальше будет держать язык за зубами. Но существует его книга...

– Что за книга?

– Его «Энциклопедия Относительного и Абсолютного Знания». Он начал ее составлять еще в своей земной ипостаси и продолжает в небесной. Сам знаешь, он то и дело ци-

тирует из нее целые куски. В ней собраны все его познания, все, что он открыл, все, что представляет для него интерес. Первые три тома он подготовил еще на Земле, в них могут заглядывать смертные. Четвертый том пишет уже здесь, как раз сейчас.

– Чего он хочет этим добиться?

Мой друг делает мертвую петлю, потом опять подлетает ко мне.

– Эдмонду Уэллсу так важно распространять свою премудрость, что он не прекращает попытки материализовать свой четвертый том по примеру трех предыдущих.

– У него нет ни карандаша, ни ручки, ни пишущей машинки, ни компьютера. Сколько бы информации он ни накопил, она так и останется витать в эфире.

Но Рауля такими доводами не пронять.

– Не считаешь же ты его настолько могущественным, чтобы умудриться отобразить величайшие тайны рая в некоем материальном томе, спрятанном где-то на Земле?

Рауль сохраняет непоколебимость.

– Помнишь место в «Энциклопедии» под названием «Конец эзотерики»? Там черным по белому написано: «Ныне все тайны можно вываливать на всеобщее обозрение, ибо – скажем прямо – понимание дается только желающим понять».

Мы описываем круги над раем.

– Все тайны, за исключением тайны Семерок! Невозможно даже представить, чтобы Эдмунд Уэллс доверил земляни-

ну, человеку-медиуму, воспроизведение секретов рая в материальной книге...

Мой друг смотрит напряженно-выжидающе, как будто я сейчас скажу...

И я говорю:

– Кто знает...

46. Энциклопедия

КОНЕЦ ЭЗОТЕРИКИ. Когда-то люди, имевшие доступ к фундаментальным знаниям о природе человека, не могли ими делиться просто так. Поэтому пророки изъяснялись притчами, метафорами, символами, намеками, иносказаниями. Они боялись слишком быстрого распространения своей премудрости, опасались быть неверно понятыми. При помощи обрядов посвящения они тщательно отбирали тех, кто был достоин получить доступ к важным сведениям. Так строилась иерархия знания.

Те времена давно минули. Ныне все тайны можно вываливать на всеобщее обозрение, ибо – скажем прямо – понимание дается только желающим понять. «Жажда знаний» – мощнейший человеческий двигатель.

Эдмонд Уэллс,

Энциклопедия Относительного и Абсолютного Знания, том IV.

47. Игорь, 7 лет

Человек в форме служил в милиции. Он был красив, высок, силен, от него пахло чистотой. Он взял меня на руки, отряхнул от снега и отвел в ближайший сиротский приют. Наконец-то я избавлен от наихудшей угрозы – родной матери. Я нахожусь здесь уже два года.

В приюте живут дети, от которых отказались родители. Мы – отбросы общества, нелюбимые, нежеланные, те, кому вообще не следовало бы рождаться.

Мне наплевать. Главное, что я жив.

Это заведение похоже на приют для бездомных собак – с той разницей, что ветеринар сюда реже заглядывает, да и кормят скуднее.

Дети сплошь нервные. Я, на счастье, крепкий орешек. При возникновении проблем я без размышлений бью первым, преимущественно в живот. У меня репутация забияки, но, по мне, лучше пусть так: по крайней мере, меня боятся. Сначала страх, потом дружба. Я быстро смекнул, что обходительность принимают за слабость. Так что я совершенно не обходительный паренек. Потому что я не слабак.

У нас спальня на четверых. Я и троица на «В».

Ваня – маленький украинец, которого отец-алкоголик слишком часто колотил об стену.

Володя у нас толстяк. Не пойму, как он умудрился растол-

стеть на здешней кормежке.

Василий – молчун. Если уж заговорит, то только о чем-то интересном. Жаль, редко открывает рот. Это он научил нас играть в покер.

Покер – это здорово. За один вечер ты сначала тонешь в несчастье, а потом взлетаешь на вершину счастья, все происходит очень быстро. Когда Вася играет, лицо у него каменное. «Главное, – поучает он нас, – не иметь хорошие или плохие карты, а научиться играть плохими». Еще он говорит: «Важны не карты у тебя на руках, а то, какие у тебя карты по мнению противника». За игрой – и не только – Вася постоянно жует веточку.

Он учит нас посылать ложные сигналы радости или разочарования, чтобы успешнее обманывать других. Его покерная школа многому меня научила, у меня развился талант наблюдателя. Мне это очень нравится. Мир полон мелких подробностей, содержащих все необходимые сведения.

Вася рассказывает:

– Некоторые профессиональные картежники так сильны, что даже не смотрят в свои карты, чтобы не выдать себя выражением лица.

– Как же они тогда узнают, кто выиграл?

– Это происходит в последний момент. Когда карты противника уже на столе, они переворачивают свои и видят расклад.

От Васи никто не отказывался. Родители не подвергали

его побоям. Он сам сбежал в возрасте 6 лет. Его поймала милиция, но так и не дозналась, кто он и откуда взялся. Милиции неохота заниматься нудными делами беглецов, проще было определить его к нам.

Вася никогда не распространяется о своем происхождении. Вообще-то у него были богатые родители, но он не желает их видеть. Он сбежал от них просто так, ради приключения. Вася – отличный парень.

Иногда детей из приюта забирают приемные семьи, люди, мечтающие стать родителями. Сначала я тоже об этом мечтал: хорошо бы появились родители, решившие меня спасти... Но я быстро понял, что это ловушка. Слухи заставляют насторожиться. Болтают, что приемных детей обычно принуждают заниматься детской проституцией или трудиться в подпольных мастерских: шить футбольные мячи или мастерить игрушки для западных детишек.

Ох, как я ненавижу этих западных детей! На них горбятя не только за пределами приюта, но и прямо здесь, в нашем подвале: нас заставляют собирать кукол и электроприборы. Эксплуатируют почем зря!

Когда кто-то собирает свои пожитки, чтобы уйти в приемную семью, над ним смеются и провожают вопросом: «Проституция или подпольный цех?» На самом деле нам завидно, ведь этот счастливчик, может быть, нашел родителей, а мы еще нет.

Вчера Петина шайка поколотила нашего Ивана. Он при-

шел весь в слезах. Петя заставил его показать наш тайник и забрал оттуда все наши сигареты. Он за это поплатится.

Мы торопимся в Петину спальню. Дверь не заперта, но внутри никого нет. Подозрительная тишина. Уверен, это западня.

Быстро поднимающийся к потолку клочок паутины – недобрая примета. Так и есть, западня.

Поздно! Петя и его приятели спрятались под кроватями. Выскочив оттуда, они угрожают нам ножом с выпрыгивающим лезвием.

Примета не подвела.

Против ножа кулаки бессильны. Мы стоим понурые. Петя приказывает своим шавкам раздеть нас и сжечь нашу одежду. Теперь, говорит он, мы должны будем, воруя сигареты, половину отдавать им, иначе нам не поздоровится.

– Хотите мира, малявки, – платите.

Потом он поворачивается ко мне, тычет острием ножа мне в пупок и цедит:

– А тебе я когда-нибудь попорчу портрет.

С ножом мне не сладить. Мы бредем голые на виду у остальных детей. История нашего позора быстро облетает приют. Мы знаем, что потеряли лицо.

На дворе снег, скоро Новый год, но здесь никто не верит в Деда Мороза. Если бы он существовал, то у нас появились бы заботливые родители. Нам дарят по апельсину и кормят настоящей овечьей требухой, пусть и плохо промытой. Я чи-

щу апельсин и загадываю желание на случай, если Дед Мороз меня услышит: «Хочу, чтобы Петю пырнули ножом в живот».

48. Венера, 7 лет

Этой ночью мне приснился странный сон – про дерущихся детей. Один из них, повернувшись ко мне, крикнул: «Когда-нибудь я попорчу тебе портрет».

Вчера вечером я смотрела по телевизору передачу про пластическую хирургию. Ночной кошмар, без сомнения, вызвала она. В ней подробно рассказывалось про изменение «портрета». Маму было не оторвать от экрана. Обычно, когда показывают что-то кровавое, родители отправляют меня спать, но в этот раз они так увлеклись, что забыли обо мне.

Мама заявила, что тоже не прочь лечь на операционный стол, чтобы ей поправили лицо. Лучше не ждать, сказала она: чем ты моложе, тем лучше результат.

Папа ответил, что операция слишком дорогая, но мама возразила, что красота бесценна, особенно когда это – профессиональный капитал. Папа согласился, что тоже ценит свою внешность, тем не менее предпочитает укреплять тело спортом, а не скальпелем.

Папа упрекнул маму в расточительстве. После этого он попробовал ее чмокнуть, но она отстранилась. Мама заявила, что папа больше не смотрит на нее, иначе он увидел бы ее морщины и сам предложил бы что-то предпринять. Она предположила, что женщина никогда не совершенна и начиная с некоторого возраста вынуждена нести ответственность

за свое лицо.

Вот, значит, как? Красота – не сокровище, которое получаешь раз и навсегда?

Родители поссорились. Мама обвиняла папу в том, что он крутит с курицей моложе ее. Что-то я не замечала у нас в квартире птиц... Папа отрицал связь с какой-либо курицей и кричал, что ему надоели ее подозрения. Мама настаивала, что у любой женщины есть право заботиться о своей внешности и что если он откажется оплатить ее операцию, то она не постесняется отнести расходы за нее на их общий счет.

Папа сказал: «Это не в твоих интересах». Потом прозвучала ритуальная фраза: «Только не при малышке», и они ушли к себе в спальню. Крики продолжились, раздавались звуки падающих на пол и разбиваемых о стену предметов. Наконец, все стихло.

В поведении взрослых многое кажется мне странным. Я еще немного посидела перед телевизором и досмотрела передачу до конца.

Потом, как всегда по вечерам, я уселась перед зеркалом и задумалась. Раз маме для пушей красоты нужна пластическая хирургия, значит, мне тоже.

Что бы такое изменить, чтобы стать еще красивее? Изучив свое лицо в зеркале, я делаю выбор: это будет нос.

Он у меня длинноват. Санта-Клаус, если ты меня слушаешь, то вот мое заветное желание: пластическая операция по укорачиванию носа.

49. Жак, 7 лет

– Хватит задавать вопросы, Немрод.

– Но...

– Вы меня нервируете, Немрод. Извольте выучить урок, и хватит с вас. Вечно вы попадаете пальцем в небо, только и знаете, что задавать вопросы! Мне нужны ответы.

В классе смеются. Я роняю голову. Мне в школе неуютно. Нам все время задают учить что-нибудь наизусть, а я у меня слабая память. В этом году я напрягаю ее до отказа, чтобы запомнить таблицу сложения и вычитания. В подготовительном классе у меня никак не получалось выучить алфавит и начать писать свое имя и адрес. У меня беда со спряжениями глаголов. Код от домофона в своем доме и то не могу запомнить! Вечно торчу снаружи, на холоде, пробуя разные сочетания цифр...

Отношения с другими учениками у меня тоже непростые. Во-первых, я рыжий, во-вторых, очкарик. Меня дразнят «очкастой морковкой» и «ржавым гвоздем». У меня ощущение, что я попал не на ту планету.

В компании кошки Моны Лизы мне становится лучше. Она умеет дать хороший совет. Вчера, например, я решал задачу по арифметике. Предлагалось три варианта ответа, и Мона Лиза положила лапку на правильный!

Если я не с этой планеты, то, может, с планеты кошек?

На прошлой неделе, проходя мимо магазина игрушек, я увидел в витрине замечательный космический корабль, мигавший бесчисленными огоньками. Что, если на таком можно улететь в космос, на поиски моей родной планеты? Уверен, там у большинства рыжие волосы, а тамошних брюнетов и блондинов дразнят «навозными головами» и «кукурузными початками».

На моей родной планете ни от кого не требуют декламировать что-либо наизусть, потому что там знают, что это ничего не дает. И там не нужен код от домофона, чтобы вернуться к себе домой. Скоро Рождество. Возьму и попрошу у Деда Мороза такой космический корабль.

Я делюсь своим намерением с Моной Лизой, и она одобряет мой выбор.

50. Желания

Я сижу по-турецки, не касаясь земли, под деревом в бирюзовом лесу. Справа от меня плещется озеро Зачатий. Над моими ладонями мерцают три шара. Всякий раз, подключаясь к своим клиентам, я чувствую боль. Похоже, связь с существами из плоти и крови будит во мне память о телесных ощущениях.

Ко мне приближается Эдмонд Уэллс. От трогает кончиком пальца шар Игоря, кладет ладонь на шар Венеры.

– Теперь ты, по крайней мере, знаешь, какой рычаг для кого главный. Для Игоря это – наблюдение за приметами. Для Венеры – сны. Для Жака – кошка. Но гляди, иногда нужно применять сразу несколько рычагов, а бывает, рычаги меняются. Старайся, чтобы тебя не засосала рутина. Ну, чего им хочется на Рождество?

– Игорю хочется, чтобы одного из его приятелей пырнули ножом в живот. Венере подавай пластическую операцию по укорачиванию носа, Жаку – пластмассовую игрушку в виде межпланетного космического аппарата. Мне что, исполнить все их желания?

Наставник теряет терпение:

– Соглашаясь стать ангелом, ты обязался не оспаривать это правило. Ты не должен оценивать качество их желаний, твоя роль – сделать так, чтобы эти желания исполнились.

– Кто придумал эти правила? Кому нужно, чтобы их желания исполнялись? Богу, что ли?

Эдмонд Уэллс притворяется, что не расслышал вопрос. Наклонившись над яйцами, он корчит гримасу недовольного шеф-повара. Меняет позу и угол обзора и после недолгого размышления произносит:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.